50 коп.

Дм. БУХАРЦЕВ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОРУЖЕНОСЦЫ ОППОРТУНИЗМА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1930

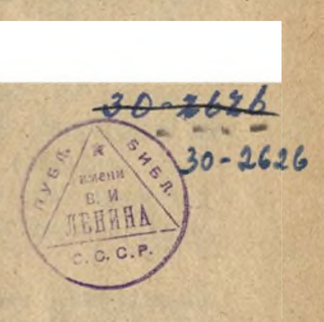


Дм. БУХАРЦЕВ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОРУЖЕНОСЦЫ ОППОРТУНИЗМА

ОШИБКИ ПРАВЫХ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ВОПРОСАХ





ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

ОТПЕЧАТАНО
в 1-й Образцовой типографии
ГИЗа. Москва, Валовая, 28.
Главлит А-50638. А. 11. Гиз 36138.
Зак. 3289. Тираж 10000. $8^{1}/_{2}$ п. л.



«ЛЮДИ ТЩАТСЯ ПРИДУМАТЬ НЕЧТО СОВСЕМ ОСОБЕННОЕ И В СВОЕМ УСЕРДИИ МУДРСТВОВАНИЯ СТАНОВЯТСЯ СМЕШНЫМИ»
(«ДЕТСКАЯ БОЛЕЗНЬ «ЛЕВИЗНЫ...»)

ЛЕНИН.

Всегда у Дон-Кихотов любых наций и эпох находились добровольные Санчо-Панса — оруженосцы, услужливо подсаживавшие своих рыцарей на Россинантов и снабжавшие их копьями для борьбы.

Политические Дон-Кихоты тоже всегда находят своих идейных Санчо-Панса, выступающих в роли **теоретических** оруженосцев, вооружающих своих идейных покровителей для **политических** боев.

Правда, теоретические клинки, подносимые Санчо-Панса, бывают большей частью не из толедской стали, но это не смущает Дон-Кихотов. Для их боев годятся и картонные мечи.

Теоретизирующие Санчо-Панса обычно не решаются открыто вступать в политические бои, ведущиеся их идейными друзьями. Они предпочитают, оставаясь в глубоком тылу, выполнять роль идеологических маркитанток, подготовляющих теоретическую пищу для воинствующих оппортунистов.

Под видом абстрактных, теоретических уморазмышлений, «невинного» пересказа мыслей буржуазных авторов, академических изысканий и «оковыченных» гипотез [1] они эзоповским языком обосновывают практику своих оппортунистических друзей.

---

[1] О таких «оковыченных» мудростях Ленин в полемике с «левыми коммунистами» писал как о «покушении на иронию, но которые на деле показывают именно кашу в голове».

Брандлеры и Тальгеймеры изгнаны из Коминтерна. Они превратились уже по существу в его злейших врагов. Но до сих пор в рядах коммунистических партий имеется еще немало идейных друзей Брандлера, выступающих в качестве теоретических оруженосцев правого оппортунизма. По крайней мере та принципиальная позиция, которую защищают так называемые «примиренцы» в устных и письменных выступлениях, позволяет им претендовать на сие «почетное» звание.

Мы не намерены в данной работе давать развернутой характеристики всего идейного арсенала оруженосцев оппортунизма. Мы собираемся лишь остановиться на серьезнейших для настоящего времени вопросах — **оценке современного капитализма и в частности «третьего периода».** Оценка оруженосцами оппортунизма **этих** проблем определяет и весь прочий строй идей, воодушевляющий их на борьбу с Коминтерном.

Выступление т. Бухарина в «Правде» по вопросам «организованного капитализма», бои, которые развернулись в секциях Коминтерна вокруг проблемы «третьего периода», неверная оценка правыми современного положения рабочего движения — ставят перед всеми коммунистическими партиями задачу внимательного изучения оппортунистических ошибок правых в международных вопросах.

Борьба правых и примиренцев с Коминтерном под знаком ревизии генеральной линии его или отдельных теоретических и тактических положений не является случайным эпизодом, а вызывается рядом серьезнейших объективных обстоятельств. На **данном** этапе развития Коминтерна, накануне второго тура империалистических войн, в полосе развертывающегося революционного наступления рабочего класса, решительная борьба с отклонениями от генеральной линии мировой коммунистической партии, и в первую очередь с правым отклонением, является особенно актуальной и необходимой.

Рост правой опасности в Коминтерне является следствием все более обостренной классовой борьбы в странах капитализма; перехода широчайших масс мирового пролетариата от обороны к нападению, к более решительной революционной борьбе за свое экономическое и политическое положение; огромных успехов социалистической реконструкции СССР.

Без преодоления правых, без решительной борьбы с их разлагающей пролетариат идеологией Коминтерн не сможет мобилизовать рабочий класс для революционной борьбы. Коммунистические партии должны подвергнуть жесточайшей критике не только тактические установки правых, не только их конкретные предложения, почерпнутые из арсенала реформистов, но и разоблачить все якобы научные «отвлеченно-теоретические» положения, за которыми скрывается и из которых вырастает оппортунистическая практика правых.

В основу данной работы положен ряд статей, печатавшихся в «Большевике», «Коммунистическом Интернационале» и «Комсомольской правде».

I. О ХАРАКТЕРЕ И НЕИЗБЕЖНОСТИ ОППОРТУНИЗМА

X пленум Исполкома Коминтерна подвел решающую черту под теми дискуссиями и боями с правым оппортунизмом, которые развернулись после VI конгресса Коминтерна почти во всех его секциях.

Во время этих боев и дискуссий в ряде коммунистических партий вполне явственно выкристаллизовались отдельные, явно оппортунистические группки, объективно представляющие собой агентуру реформизма в рядах партии революционного пролетариата.

Представляемые подчас вчерашними лидерами партии, право-оппортунистические фракционеры, начав с ревизии якобы отдельных положений ленинизма и ленинской тактики Коминтерна, сравнительно быстро скатились в болото оппортунизма.

В ряде секций Коминтерна правые оппортунисты были изгнаны из партийных рядов, но их место заняли так называемые «примиренцы», являющиеся лишь завуалированной, трусливой разновидностью того же правого оппортунизма.

X пленум ИККИ признал «несовместимым с принадлежностью к компартии защиту отдельными ее членами взглядов правого уклона, осужденного Коминтерном, как течения антипартийного и глубоко враждебного интересам пролетарского революционного движения».

Эта убийственная характеристика правого уклона по существу относится и к примиренцам, прикрывающим

свое оппортунистическое нутро «аллилуйными» изъявлениями верности генеральной линии и в то же время исповедующим по существу оппортунистическое евангелие правых.

X пленум ИККИ крепко ударил и по **примиренцам**, потребовав от них прекращения двурушничества, отказа от межеумочного сидения между двумя стульями и четкого отмежевания от правых. Коминтерн этим самым нанес решительный удар всем попыткам ревизии ленинизма, откуда бы они ни исходили.

Решительные резолюции Коминтерна, направленные против воинствующего или скрытого (подчас более опасного) оппортунизма в рядах секций Коминтерна, неслучайны, так же как неслучайна та борьба с оппортунизмом, которая развертывается на протяжении **всей истории рабочего движения.**

Борьба Коминтерна и в первую очередь его важнейшей секции ВКП(б) с оппортунистической теорией и практикой правых неизбежно вызывается той исторической обстановкой, в которой развивается современное революционное движение пролетариата.

На каждом новом этапе поступательного революционного движения рабочему классу и его партии приходилось и приходится в первую очередь преодолевать колебания в своих собственных рядах. Лишь подтягивая отстающих, отсекая дезертирующих и одергивая заскакивающих, может партия рабочего класса планомерно проводить наступление на капиталистические твердыни.

ОТ РЕВИЗИИ МАРКСА — К РЕВИЗИИ ЛЕНИНА

История развития рабочего движения и проникновения революционной теории в гущу рабочего класса изобилует многочисленными формами и видами идейной борьбы марксизма с различными враждебными идеоло-

гиями, владевшими умами отдельных прослоек пролетариата, формирующегося как «класс для себя».

Длительными и упорными боями шел революционный марксизм к своей идейной гегемонии в рабочем классе. Под руководством основоположников марксизма — Маркса и Энгельса — революционная теория подымающегося молодого класса разбивала идеологические отрыжки старого — гегельянский и философский идеализм, мелкобуржуазный прудонизм и бакунинский анархизм.

Борьба этого периода характеризовалась теоретическими схватками со всеми враждебными марксизму течениями, формировавшимися в недрах мелкобуржуазных попутчиков пролетариата.

Марксизм побеждает. Теоретическое знамя революционного марксизма развевается в большинстве рабочих организаций. Под этим знаменем начинается мобилизация III Интернационалом широчайших рабочих масс. Начинается эпоха революционного расцвета марксизма, овладевающего умами сотен тысяч пролетариев.

С ростом идейного и политического влияния марксизма растет нажим на него классовых врагов пролетариата, использующих для этого капиталистическую науку. «Официальная» наука пытается посрамить марксизм, доказать его теоретическую и практическую беспочвенность, его абсолютную ненаучность. Марксистская наука выделяет **своих** теоретиков, которые без особого труда расправляются с эклектиками из буржуазного стана.

Марксизм совершает свое триумфальное шествие, но борьба с марксизмом не прекращается. Изменяются лишь **формы** борьбы. Те же социальные силы, которые ранее организовывали борьбу с марксизмом **извне**, не прекращая **этой** борьбы, организуют теперь борьбу с марксизмом **изнутри**. Эта борьба в основном развертывается под флагом **ревизии марксизма**.

В чем характерная особенность ревизионизма? Она заключается в том, что ревизионист, оставаясь по форме сторонником той или иной ортодоксальной теории, по существу стремится ее выхолостить, вытравить из нее то основное, что определяет ее общественную революционную значимость.

В этом заключается основное отличие ревизиониста от ренегата. Ревизионист остается на словах сторонником ортодоксальной теории, продолжает клясться Марксом и цитатами из Ленина, внося лишь «кое-какие» теоретические или практические поправочки и давая «разъяснения» основных положений.

Ренегат выступает с открытым забралом; он не скрывает своего откровенного отхода от того, во что он верил вчера. И с этой точки зрения откровенный ренегат менее опасен, чем замаскированный ревизионист. Лев Тихомиров, откровенно сознавшийся, что он перестал быть революционером, Муссолини, перекочевавший из лагеря социализма в вожди фашизма, менее опасны для революционного марксизма, чем Бернштейн, прикрывавший свою ревизию Маркса ссылками на последнего же, или Каутский наших дней, употребляющий марксистскую фразеологию для буржуазно-либеральных выводов.

Провозглашая те или иные «истины», ревизионисты уверяют всех, а иногда и сами искренне в этом уверены, что они совершают дело, полезное для рабочего класса, что их «поправочки» необходимы для **актуального**, соответствующего задачам сегодняшнего дня восприятия Маркса или Ленина. Они не замечают при этом, что объективно они являются рупором как раз тех социальных групп, против которых направлено острие учения, считая, что чистоту учения они якобы блюдут.

Дело при этом не в личных качествах отдельных ревизионистов, а в тех объективных процессах, которые порождают ревизионизм и его конкретных носителей.

Ленин в своих работах подчеркивал «неизбежность» ревизионизма, давая при этом достаточно детальный анализ его классовых корней.

> «**Неизбежность ревизионизма,** — писал Ленин в сборнике «Карл Маркс» (1818—1883), — **обусловливается его классовыми корнями в современном обществе. Ревизионизм есть интернациональное явление».**

В чем заключалась в условиях капиталистического общества неизбежность ревизии марксизма как революционной теории пролетариата? В той же статье и в ряде других Ленин дает на это исчерпывающий ответ, острота которого не притупилась и в применении к нашему времени.

> «Во всякой капиталистической стране, — писал Ленин, — рядом с пролетариатом всегда стоят широкие слои мелкой буржуазии, мелких хозяев. Капитализм родился и постоянно рождается из мелкого производства. Целый ряд «средних слоев» неминуемо вновь создается капитализмом (придаток фабрики, работа на дому, мелкие мастерские, разбросанные по всей стране, ввиду требований крупной, например велосипедной и автомобильной, индустрии и т. д.). Эти мелкие новые производители также неминуемо опять выбрасываются в ряды пролетариата. Совершенно естественно, что мелкобуржуазное мировоззрение снова и снова прорывается в рядах широких рабочих партий. Совершенно естественно, что так должно быть и будет всегда, вплоть до перипетий пролетарской революции, ибо было бы глубокой ошибкой думать, что необходима «полная пролетаризация большинства населения для осуществимости такой революции».

В статье «Разногласия в европейском рабочем движении» («Звезда» 1910 г.) Ленин подчеркивает, что те или иные отступления от марксистской теории не следует объяснять «ни случайностями, ни ошибками отдельных

лиц или групп», а коренными причинами, лежащими в экономическом строе, характере развития всех капиталистических стран и в росте самого рабочего движения. Вовлечение в ряды пролетариата новых и новых «рекрутов» неизбежно должно «сопровождаться шатаниями в области теории и тактики, повторениями старых ошибок, временным возвратом к устарелым взглядам и устарелым приемам».

Таким образом диалектическая сущность ревизионизма, ревизии революционной марксистской теории объясняется двумя взаимозависящими моментами. С одной стороны, классово враждебные пролетариату группы пытаются всяческими путями просочить в ряды революционной партии разлагающий яд буржуазного мировоззрения, задрапированного в тогу критики «отдельных» положений или установок ортодоксальной теории. Непосредственными проводниками ревизионистского разложения теории выступают мелкобуржуазные попутчики пролетариата, которые искренно или неискренно на время связали свою судьбу с партией. Пусть эта прослойка сама по себе не велика, но очень часто ее отдельные представители составляют крупные кадры интеллигентских сил рабочей партии.

С другой стороны, партия имеет наряду со своими основными рабочими кадрами значительную часть «рекрутов» — новых слоев, не усвоивших себе еще опыта партии, не умеющих охватить всей противоречивости развития капиталистического общества, всей сложности борьбы, которую ведет в этих условиях пролетариат. Эта «рекрутская», идеологически наименее крепкая часть партии становится тем материалом, на который пытаются влиять активные ревизионисты.

В процессе усвоения на практике реальной повседневной классовой борьбы, непреложных истин марксистской теории, в партии происходит известный процесс диференциации, в результате которого пролетарски устойчивая часть «рекрутов» остается с партией, а ревизионисты

скатываются в болото буржуазного либерализма. При этом решающую роль в этой диференциации играет та энергия, с которой партия отбивает ревизионистские наскоки на революционную теорию и практику.

Неизбежность ревизионизма, которую неоднократно подчеркивал Ленин в отношении марксизма, в еще большей степени относится к ленинизму, особенно в условиях страны, где победила пролетарская диктатура.

Те же классовые причины, которые делали неизбежным ревизионизм в отношении марксизма как теории революционной социал-демократии, делают его неизбежным и в отношении ленинизма как «марксизма эпохи империализма и пролетарской революции» (Сталин).

В эпоху империализма и пролетарской революции классовая борьба буржуазии направлена против единственной революционной партии пролетариата — **коммунистической**, теоретическим оружием которой является ленинизм. Социал-демократия является авангардным отрядом наступающих на революционный пролетариат армий буржуазии. Это относится как к области непосредственно практической классовой борьбы, так и к попыткам теоретического оскопления тех или иных положений ленинской стратегии и тактики революции.

В условиях капиталистического государства корни и методы ревизии ленинизма ничем не отличаются от корней и методов ревизии марксизма того времени, когда последний был руководящей теорией революционной социал-демократии.

В условиях же пролетарской диктатуры ревизия ленинизма, неизбежность такого ревизионизма, как рефлекс наступления на партию окружающих нас мелкобуржуазных слоев, воспроизводится на расширенной основе.

Характерно, что гениальный ум Ленина предвидел уже в 1908 г. неизбежность обострения в эпоху пролетарской революции борьбы с ревизионистами.

«То, что теперь мы переживаем, зачастую только идейно: споры с теоретическими поправками к Марксу, — писал Ленин в сборнике «Карл Маркс»; — то, что теперь прорывается на практике лишь по отдельным частным вопросам рабочего движения, как тактические разногласия с ревизионистами и расколы на этой почве, — это придется еще непременно пережить рабочему классу в несравненно более крупных размерах, когда пролетарская революция обострит все спорные вопросы, сконцентрирует те разногласия на пунктах, имеющих самое непосредственное значение для определения поведения масс, заставит в пылу борьбы отделять врагов от друзей, выбрасывать плохих союзников для нанесения решительных ударов врагу.

«Идейная борьба революционного марксизма с ревизионизмом в конце XIX в. есть лишь преддверие великих революционных сдвигов пролетариата, идущего вперед к полной победе своего дела, вопреки всем шатаниям и слабостям мещанства».

Как стоит вопрос о неизбежности ревизионизма в отношении ленинизма в условиях пролетарской диктатуры? Мы видели выше, как определял Ленин причины просачивания в партию мелкобуржуазного мировоззрения. Все эти причины существуют и в наших условиях.

Нашей партии приходится развертывать свою деятельность в условиях окружения мелкой буржуазии, мировоззрение которой просачивается и в ряды нашей партии. В условиях парламентской буржуазной демократии капиталисты, мелкая буржуазия имеют ряд легальных возможностей для борьбы с революционной теорией пролетариата. В парламенте, прессе, литературе идеологи крупной и мелкой буржуазии делают все возможное для дискредитации основных теоретических положений революционной партии пролетариата. Это конечно не озна-

чает, что они отказываются от методов наступления и **изнутри**, просачивая яд ревизионизма внутрь партии. Причем все это конечно не надо понимать примитивно, механически, как некоторый подкуп отдельных членов партии, их сознательное предательство и т. д. Процессы идеологического перерождения происходят весьма сложно и, что самое главное, незаметно для того, кто подвергается их действию.

В Советском Союзе буржуазия не имеет возможности открыто выступать против ленинизма, против господствующей теории диктатуры пролетариата. И естественно поэтому, что все свои надежды она возлагает на «взрыв изнутри».

То обстоятельство, что наша партия стоит у власти и ленинизм становится не только теорией отдельной партии, но и программой строительства социалистического государства, не только не умаляет корней и причин неизбежности ревизионизма, а, наоборот, обостряет их.

Члены нашей партии являются одновременно руководителями различных звеньев государственного аппарата. Это обстоятельство облегчает проникновение мелкобуржуазных настроений в идеологически наименее устойчивые прослойки партии. Мелкобуржуазные попутчики и разложившиеся пролетарские элементы смыкаются с кулаком, нэпманом и их идеологами. Ревизия ленинизма в условиях пролетарской диктатуры идет в первую очередь по линии **приспособления к окружающему нас классовому врагу, не только внутреннему, но и внешнему — мировой буржуазии.**

РЕВИЗИОНИЗМ СЛЕВА И СПРАВА

На протяжении всего своего исторического развития марксизм и ленинизм отбивали самые разнообразные ревизионистские наскоки во всех сферах марксистской теории.

Это разнообразие форм и методов ревизионизма подчас определялось специфическими национальными условиями развития рабочего движения той или иной страны.

Если в последней четверти XIX в. наблюдалось многообразие всевозможных тенденций ревизии учения Маркса, то чем ближе к эпохе империализма, тем все явственнее выделяются две основных системы ревизии революционной теории пролетариата. Эти системы мы условно называем ревизиями «справа» и «слева».

Борьба на два фронта — с ревизионистскими тенденциями слева и справа — становится основной предпосылкой для закаливания революционного марксистского миросозерцания пролетариата, вступившего в великие классовые бои.

Марксизм пытались ревизовать не только правые оппортунисты, которые в процессе своего развития оформили свои взгляды в систему социал-реформизма, меньшевизма, но и анархо-синдикалистские элементы типа Лабриола в Италии, позднее ставшего трубадуром итальянского империализма, Лагарделя во Франции и др. Однако если мы проследим, какая из этих двух систем ревизионизма была для революционного марксизма в основном опаснее, — мы увидим, что **основная** энергия революционного ядра марксистских партий на протяжении больших исторических масштабов была направлена на борьбу с ревизионистами справа — оп портунистами.

В сборнике «Карл Маркс» (1818—1883) Ленин указывал, что левый ревизионизм далеко еще не так опасен, как ревизионизм оппортунистический. В то время как ревизионизм справа выдержал уже не один бой с революционными социалистическими партиями и вырос из тенденций отдельных национальных партий в явление интернационального порядка, — левая ревизия ничем еще себя в таких формах и масштабах не проявила.

Последующие факты целиком подтвердили прогноз Ленина. В то время как левые анархо-синдикалистские ревизионисты либо сошли со сцены, либо продолжали влачить жалкое, незаметное для массового рабочего движения, существование, правая ревизия выросла в самостоятельную теоретическую концепцию законченного социал-реформизма. Современный теоретический арсенал II Интернационала является лишь завершением тех робких ревизионистских попыток, которые делал Бернштейн и иже с ним в конце 90-х гг. и позже.

И ленинизму на всем протяжении своего исторического развития приходится вести решительную борьбу с двумя категориями ревизионизма. В основном, в исторической перспективе, эта борьба главным образом направляется против ревизионизма оппортунистического, против ревизии справа. Это конечно не исключает того, что в тот или иной период особенно обостряется опасность ревизионизма **слева**, и тогда все внимание ленинской партии обращается на мобилизацию сил рабочего класса для борьбы с этим видом ревизионизма.

Что общего и в чем разница между этими системами ревизионизма? Конкретные носители и левого и правого ревизионизма одни и те же — мелкобуржуазные попутчики партии и ее идеологически наименее устойчивые пролетарские элементы.

В своей речи на пленуме ЦК ВКП (б) от 19 ноября 1928 г. т. Сталин указал на те слои, откуда рекрутируются как левые, так и правые ревизионисты.

> «Они, эти уклонисты, и правые и «левые», рекрутируются из самых разнообразных элементов, отражающих давление мелкобуржуазной стихии на партию и разложение отдельных звеньев партии. Часть выходцев из других партий; люди с троцкистскими тенденциями в партии; осколки былых фракций в партии; бюрократизирующиеся (и обюрократив-

шиеся) члены партии в государственном, хозяйственном, кооперативном, профсоюзном аппарате, смыкающиеся с явно буржуазными элементами этих аппаратов; зажиточные члены партии в наших деревенских организациях, срастающиеся с кулачеством, и т. д. и т. п. — такова питательная среда уклонов от ленинской линии».

На X съезде партии была принята резолюция об анархо-синдикалистском уклоне, составленная Лениным. В этой резолюции дается четкий анализ этого уклона.

«Указанный уклон вызван отчасти вступлением в ряды партии элементов, не вполне еще усвоивших коммунистическое миросозерцание. Главным же образом уклон этот вызван воздействием на пролетариат и на РКП мелкобуржуазной стихии, которая исключительно сильна в нашей стране и которая неизбежно порождает колебания в сторону анархизма, особенно когда положение массы резко ухудшилось».

В своей брошюре «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» Ленин дал анализ тех социальных сил, классовые или групповые интересы которых защищают «левые» ревизионисты. Социальную почву, которая питает корни «левого» ревизионизма, образует «взбесившийся» от ужасов капитализма мелкий буржуа. В период революционного подъема и обострения классовой борьбы известная часть мелкой буржуазии, особенно остро ощущающая эксплоатацию крупной буржуазии, становится на время союзником пролетариата. Интересы этих временных попутчиков рабочего класса отражают соответствующие элементы и внутри партии.

Но при первом же тактическом маневре партии, исторический смысл которого скрыт от мелкобуржуазных «попутчиков», последние превращаются из союзников в фактических врагов.

Самое характерное для мелкого буржуа то, что «расторжение» союза и фактический отход от лагеря революции к лагерю контрреволюции он пытается прикрыть левой фразеологией, «левой» ревизией революционной теории рабочего класса.

Вначале левая фраза может оказать некоторое влияние на известную часть рабочих, ослепив их фейерверком якобы революционных лозунгов. Но проходит немного времени, и мелкобуржуазная сущность всех этих «ужасно революционных» фраз выплывает наружу, обманутый рабочий возвращается в партию, а мелкобуржуазные лидеры либо скатываются к анархистам или социал-демократам, либо уходят в политическое небытие, превращаясь в обывателей. В этих процессах имеется своя закономерность, которую не могут нарушить даже выдающиеся личности. Эта закономерность определяется социальными силами, питающими «левый» ревизионизм, и его конкретными носителями, которые легко переходят к крайней революционности, но неспособны проявить выдержки, организованности, дисциплины, стойкости.

В борьбе с левым ревизионизмом большую роль играет тот отпор, который дает партия всяким оппортунистическим тенденциям в ее рядах. В брошюре «Детская болезнь «левизны...» Ленин писал, что «анархизм нередко является своего рода наказанием за оппортунистические грехи рабочего движения». Решительная и непримиримая борьба большевиков с оппортунизмом в России определила слабость анархизма и синдикализма в российском рабочем движении.

Можно привести немало примеров вышеуказанного положения Ленина о наказании за оппортунистические грехи по ряду секций Коминтерна, где расплатой за тяжкие правые ошибки руководства компартии явились ультралевые настроения в известной части партии (Германия 1923 г., Китай и т. п.).

Если мы посмотрим на историю Коминтерна, то увидим, что основным препятствием для подлинно революционной тактики отдельных компартий, основной причиной их поражения являлся правый ревизионизм, социал-демократические пережитки. Опыт поражения германского революционного движения в 1923 г., когда руководство компартии находилось в руках брандлеровской группы, тяжелое положение болгарского пролетариата в 1925 г., поражение краковского восстания в Польше и т. д. — все это в основном явилось результатом праворевизионистских настроений в руководстве партии.

ОСНОВНАЯ ОПАСНОСТЬ — ПРАВАЯ

Деление на правый и «левый» ревизионизм в общем довольно условно. И та и другая разновидность ревизионизма на практике подчас не отличаются друг от друга не только по среде, откуда, как мы видели выше, рекрутируются конкретные носители ревизионизма, но и по объективному смыслу их боевых лозунгов. Очень часто «левый» ревизионизм по существу ничем не отличается от махрово-правого ревизионизма, прикрываясь лишь «левой» фразеологией. Но все же было бы неверным на этом основании отказаться от диференциации уклонов и оппозиций внутри партии рабочего класса на «левые» и правые, в первую очередь в зависимости от той эпохи, которая определяет появление уклонов внутри партии.

Серьезность и значительность **правой** опасности определяется в очень большой степени тем, что правые отражают настроение сознательных, неплохо организованных групп классового врага, прекрасно знающего, чего он хочет. И это в первую очередь относится к стране пролетарской диктатуры, где отсутствуют социал-демократическая партия и легальные возможности борьбы с коммунистической партией. В условиях пролетарской дикта-

туры в крестьянской стране левые ревизионисты могут на время привлечь на свою сторону только отдельных членов партии и небольшие группы несознательных рабочих. Правые же ревизионисты, получив в самой партии самый незначительный кадр союзников, могут найти однако весьма широкий отклик среди буржуазных и мелкобуржуазных слоев населения страны.

Платформа правых, ревизующая ленинизм, становится политической программой-минимум кулацких и нэпманских элементов Советского Союза.

В одном из номеров «Социалистического вестника» лидер меньшевистской эмиграции Дан поместил статью «Разгон троцкистов». В этой статье, в общем сочувственно относясь к Троцкому, Дан делает небезынтересные замечания насчет правого уклона. Он указывает, что «правая» экономическая платформа, поскольку она отражает чисто хозяйственные требования крестьянства (читай: кулачества. — *Дм. Б.*), становится воистину «общенациональной» платформой, сосредоточивая на себе симпатии не только крестьян, не только широких кругов «спецов», хозяйственников, служащих и мелкой городской буржуазии, обывателей, но и подавляющего большинства рабочего класса.

Вполне понятно, что для стройности построения Дану необходимо к кулаку, спецу и обывателю, группирующимся вокруг «общенациональной» платформы правых, «пришить» и рабочий класс. Это конечно пустяки. Рабочий класс Советского Союза прошел слишком хорошую школу борьбы с меньшевизмом, чтобы его могли соблазнить «общенациональные» платформы правых. Но в основном Дан прав: экономические требования правых, сводящиеся к ревизии ленинской теории строительства, становятся знаменем капиталистических элементов нашей страны.

Классовый враг воспринимает программу правых как свои частичные требования, но в то же время использует

и контрреволюционную работу троцкистов. Дан об этом повествует весьма откровенно, заявляя, что социал-демократия должна воспользоваться как «здравой» экономической политикой правой оппозиции, так и «здравыми» тактическими лозунгами троцкистов.

Опасность правого ревизионизма сильна еще и тем, что ее по существу подкрепляет не только внутренний классовый враг, но и наступающая на СССР мировая буржуазия. Таким образом правый ревизионизм в Советском Союзе, вольно или невольно, отражает настроения внутренних капиталистических элементов, тяготеющих к смычке с мировым капитализмом.

Опасность правого ревизионизма относится не только к стране пролетарской диктатуры, но и к капиталистическим странам. Опасность правой ревизии ленинизма в этих странах серьезна по существу по тем же причинам. Правда, в условиях буржуазной демократии капиталистические элементы имеют и другие формы идеологического наступления на коммунистическую партию, но все же правая ревизия остается одним из серьезнейших орудий буржуазного арсенала. Буржуазия и социал-демократы энергично используют правый ревизионизм для просачивания в ряды пролетарской партии яда разлагающей меньшевистской идеологии.

Характерной и для «левых» и для правых ревизионистов является попытка проводить свои ревизионистские взгляды под флагом стопроцентной ортодоксальности, путем соответствующей спекуляции на Марксе и Ленине.

Интересно проследить, как перерождавшаяся социал-демократия, начинавшая свои первые шаги по стезе ревизионизма под прикрытием Маркса, постепенно освобождалась от ненужных и даже вредных ей сейчас пут марксизма. Если просмотреть теоретическую продукцию современной социал-демократии, то там все реже можно встретить какую-нибудь ссылку на Маркса или цитату из

его произведения. Лишь «левые» социал-демократы, играющие во II Интернационале роль предохранительного клапана для накопляющейся революционной энергии социал-демократических рабочих, время от времени уснащают свои выступления скромными намеками на Маркса.

Так же развиваются процессы и в отношении ревизионистов ленинизма. Ультралевые сейчас всячески пытаются уверить, что подлинными ленинцами являются именно они, взбесившиеся мещане, и только в их толковании ленинизм сохраняет свое истинно-революционное содержание.

Брандлеровцы в Германии и наши отечественные оппортунисты тоже всячески пытаются спекулировать на надерганных цитатах из Ленина. Брандлеровцы в Германии, окончательно скатившиеся в ряде вопросов на позицию оппортунистического реформизма, пытаются замаскировать свое меньшевистское грехопадение, прикрываясь тогой ярых защитников ленинизма.

Наши правые тоже пытаются оправдать свои кулацкие идейки, клянясь Лениным и призывая его к себе на помощь. Но несомненно, что дальнейший отход ревизионистов справа и слева от революционной партии пролетариата будет означать все меньшее и меньшее использование ими авторитета Ленина, столь великого сейчас в широчайших массах мирового пролетариата. И это в первую очередь относится к правым ревизионистам, которые, объективно выполняя социальный заказ классово враждебных пролетариату групп, будут вынуждены приспособляться к последним, постепенно заменяя рабочую куртку ленинизма меньшевистскими фраками и кулацкими поддевками.

РЕВИЗИОНИЗМ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА

Выступая в поход против революционной теории, ревизионизм как слева, так и справа выдвигает на передовые позиции орудия различных калибров. Обстрел

теоретических позиций ортодоксального марксизма или ленинизма начинается в различных направлениях и различными прицелами. Ревизионистская осада бастионов революционной теории ведется по всем правилам военного искусства. Сначала легкие авангардные схватки в области частичных тактических вопросов, затем направление огня тяжелой артиллерии в центральные пункты «противника» с тем, чтобы подготовить генеральное наступление по всему фронту.

Центральным пунктом, на котором сосредоточен сейчас и сосредоточивался всегда огонь ревизионизма, является **проблема классовой борьбы** в ее своеобразии на том или ином историческом участке времени. Классовая борьбы — вот фокус, в котором пересекаются все линии ревизионистской критики. Это тот единый знаменатель, к которому можно по существу привести все теоретические откровения реформизма в области тактики партии, оценки положения капитализма, философских споров, отношения к крестьянству, оценки роли и значения государства и т. д. и т. п.

Оценка классовой борьбы на том или ином этапе развития революции — пробный камень ортодоксальности или ревизионистского перерождения отдельного революционера или группы таковых.

Выступая в свое время в генеральный поход против Маркса, конечно под флагом защиты марксизма, Бернштейн направил все стрелы своего ревизионистского колчана против исторического материализма, против марксистских положений в области политэкономии, но все эти как будто абстрактные, теоретические положения имели основную цель — **пересмотр учения о классовой борьбе.**

Все рассуждения ревизионистов Маркса о необходимости пересмотра закона концентрации и вытеснения крупным производством мелкого в сельском хозяйстве,

заявления о том, что тресты уничтожат кризисы, прикрашивание мелкого производства — все это явилось в своей основе установкой на притупление и смягчение классовой борьбы. Ревизионисты уверяли, что учение о классовой борьбе «устарело», что марксистская теория классовой борьбы имела свое практическое значение лишь в определенных условиях. Эти бернштейновские истины в настоящее время повторяются теми, кто в свое время полемизировал с Бернштейном.

Каутский например сейчас совершенно откровенно раскаивается в своей полемике с Бернштейном и считает, что действительно необходимо ревизовать проблему классовой борьбы у Маркса. Необходимость такой ревизии правые ревизионисты пытаются доказать «целой батареей довольно стройно согласованных, «новых» аргументов и соображений» (Ленин).

Эта стратегия и тактика ревизионизма применяются и в наше время теми, кто трусливо, исподтишка пытается «ревизнуть» Ленина, прикрываясь пестрым плащом из ленинских цитат. Ревизионисты ленинизма тоже стараются выдвинуть «целую батарею... аргументов и соображений», имеющих по существу то же служебное назначение, какое они имели у ревизионистов марксизма. Назначение этих аргументов: **выхолащивание революционной теории пролетариата, в первую очередь в области классовой борьбы.** Под флагом пересмотра нашей политики индустриализации, необходимости зацепиться за частные интересы кулака, необходимости «цивилизованной» торговли, бия себя в перси по случаю возможности раскола между рабочим классом и крестьянством, отвергая наличие конкуренции внутри капиталистических стран, твердя об относительной общности интересов буржуазии и рабочих в странах «организованного капитализма», — современные ревизионисты ленинизма по существу протаскивают старые идейки замены классовой

борьбы культуртрегерством и развернутых боев класса против класса чуть ли не гражданским миром.

Выступление как правых, так и «левых» ревизионистов обычно происходит на различных этапах развития революционной борьбы. **Правые ревизионисты проявляют свою активность обычно накануне и на первом этапе развития наступательной тактики пролетариата.** Выступление правых против Коминтерна в ряде секций, расколы в Чехо-Словакии и Швеции, организация самостоятельной брандлеровской партии в Германии и т. д. связаны сейчас с решительным наступлением европейского пролетариата против буржуазии. Перерастание мощных экономических боев, которые ведет сейчас европейский пролетариат, в политические бои, громадное напряжение революционной энергии рабочего класса во всем мире вызывают появление правых ревизионистских гнойников. Более быстрый обмен революционных веществ в организме рабочего класса выделяет весь гной старого социал-демократического оппортунизма, который еще таится в отдельных порах революционной партии пролетариата.

Что наиболее характерно в теоретическом вооружении, с которым правые ревизионисты пытаются попридержать революционное наступление? Наиболее характерным является подмен последними революционной классовой борьбы оппортунистическими бирюльками о мирном врастании в социализм через контроль над производством, через парламентское рабоче-крестьянское правительство. Всякое расширение базы классовой борьбы, путем ли вовлечения в экономические бои неорганизованных рабочих, решительного ли выступления против социал-фашизма как левого фланга буржуазии, приводит правых ревизионистов в священный ужас.

Объективная историческая задача правых ревизионистов — торможение авангардных отрядов пролетариата

как раз в тот период, когда весь класс готовится к решительному наступлению. Опыт поражения германского пролетариата (в 1923 г.), доверившего руководство коммунистической партии Брандлеру, является лучшим тому доказательством. И тогда, на волне пролетарского наступления, брандлеровцы, бывшие в руководстве в КПГ, выступали в роли трусливых ревизионистов, подменивших подлинную классовую борьбу парламентскими комбинациями в Саксонии.

И у нас в СССР попытка правых ревизовать Ленина именно сейчас — не случайна. Именно теперь, когда пролетариат Советского Союза развертывает решительное наступление на враждебные классы, проводит социалистическую реконструкцию всего хозяйства, в том числе и аграрного сектора, — в этот момент появляются горе-«теоретики», испугавшиеся неизбежных трудностей, умоляющие пролетариат не разжигать классовой борьбы, ссылаясь на отдельные, вырванные из общего контекста ленинские слова о том, что мы должны больше внимания обращать на культурную работу. Но то, что эта культурная работа немыслима без классовой борьбы, без развернутого наступления на те классово враждебные силы, которые особенно рьяно пытаются пролезть в поры нашего, слабого еще, культурного фронта — все это невдомек правым ревизионистам. Надергав отдельные цитаты, правые ревизионисты превращают Ленина-революционера в вегетарианского культуртрегера в халате, с учительской палочкой в руках, поучающего кулаков и нэпманов о культурном примиренчестве к Октябрьской революции.

«Левые» ревизионисты тоже направляют свой огонь по линии классовой борьбы, но уже с другой стороны. Они произносят «левые» фразы о необходимости разжигания классовой борьбы, не считаясь с объективными условиями, в которых разворачивается классовая борьба на том или ином этапе. «Левые» ревизионисты подходят

к классовой борьбе с точки зрения защиты цеховых интересов пролетариата. Это характерно и для «левых» ревизионистов Маркса (анархистов, синдикалистов) и для «левых» ревизионистов Ленина (троцкистов). В своем сектантско-цеховом ослеплении левые ревизионисты не понимают смысла диктатуры пролетариата как гегемона трудящихся масс в революции.

Левые ревизионисты обычно проявляют свою деятельность при тех или иных отступательных маневрах рабочего класса. В тот период, когда рабочий класс в силу тех или иных обстоятельств должен сменить тактику наступления на маневренное отступление с тем, чтобы через некоторое время снова перейти в решительное наступление, левые ревизионисты начинают рассыпать фейерверк левых фраз, повторяя вчерашние, устаревшие для сегодняшнего дня, лозунги. Опыт «левых» эпохи Брестского мира, левых ревизионистских настроений после поражения германской революции в 1923 г., наконец троцкизма в СССР периода 1925 г., когда партия была вынуждена применить новую тактику в деревне, является лучшей иллюстрацией социального смысла и назначения левого ревизионизма. Понятно, что и в период наступления рабочего класса в партии могут появляться «левые настроения», сводящиеся в основном к требованию чрезмерного форсирования наступления, не считаясь с объективными возможностями и революционной целесообразностью. В наших современных конкретных условиях такие левые «заскоки» могут сводиться к превращению борьбы с кулаком в борьбу с середняком, в проповедывание взглядов, что эпоха торговой смычки с деревней кончилась, и т. п. Конечно эти левые настроения не представляют собой на **данном** этапе такой опасности, как **правый** ревизионизм.

Равным образом в момент тактического **отступления** рабочего класса правые оппортунисты объективно стре-

мятся превратить маневренный отход в глубокое отступление. Такой например была тактика бухаринской «школки» в 1925 г., пытавшаяся превратить тогдашнюю политику партии в деревне в «расширение нэпа», в самое неограниченное и безудержное развитие капиталистических элементов Советского Союза.

Партия всегда борется на два фронта, давая отпор как правым, так и «левым», направляя однако в соответствии с историческим этапом огонь в **главную** сторону. Правые ревизионисты являются тормозом наступающего или переходящего в наступление пролетариата, и потому они сейчас особенно опасны.

Правые ревизионисты нашего времени характеризуются тем, что, несмотря на свои жалкие силы, они пытаются сформироваться в подобие международной партии. Этим самым Брандлеры и иже с ними окончательно переходят в лагерь социал-демократии. Но, уходя по ту сторону баррикад, правые продолжают свою работу по ревизии ленинизма и разложению рядов партии пролетариата через оставшуюся внутри Коминтерна агентуру — примиренцев.

Примиренцы фактически выполняют внутри компартии те же социальные функции, которые ранее выполняли правые. Борьба с примиренцами поэтому должна быть не менее энергична, чем с правыми. Партия должна дать решительный отпор всем тем, кто справа или слева, откровенно или трусливо, пытается ревизовать ленинизм и потянуть Коминтерн в болото оппортунизма.

Мы должны **«бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает в болото»** (Ленин).

Особенно чутко относится партия ко всяким попыткам ревизионистов, как справа, так и слева, «подправить» основную **теоретическую** установку партии, ее **генеральную линию.** Партия знает, что за всеми этими маленькими и большими «поправочками» таится попытка, под

флагом якобы абстрактных теоретических споров, ревизовать **основную** партийную установку. И в первую очередь партия требует особой четкости и ясности в вопросах оценки своеобразия того или иного переживаемого рабочим классом периода, ибо эта оценка определяет всю политическую и тактическую линию партии. Такие вопросы, как — наступает ли на данном этапе рабочий класс или отступает? укрепляется ли капитализм или расшатывается? — являются отнюдь не академическими вопросами, а пробным камнем подлинной революционности и политической чуткости отдельных товарищей или групп. И неслучайно поэтому грехопадение ряда правых как раз по вопросам оценки современного капитализма, в частности «третьего периода». На некоторых из этих оценок мы и намерены в дальнейшем остановиться.

●

II. КОНСОЛИДАЦИЯ ИЛИ КРИЗИС

ПРОБЛЕМЫ ПОСЛЕВОЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

В начале текущего года в Институте мирового хозяйства при Комакадемии член германской компартии Людвиг сделал доклад о **« проблемах послевоенной экономики ».** Задачей доклада Людвига, как это явствовало из его тезисов, было **показать историческое место послевоенного империализма.**

Совершенно очевидно для каждого воинствующего большевика, что эта тема носит в наше время не столько абстрактно-академический характер, сколько актуально-политический. Но Людвиг ухитрился втиснуть ее в узко академические рамки абстрактно-формальных рассуждений, предупреждая при этом в своем выступлении о «дипломатичном» (?!) и «нейтральном» (?!) характере темы.

Основная проблема, — отметил Людвиг в своих тезисах, — состоит в следующем:

> **« Обнаруживает ли вообще послевоенный империализм по сравнению с общими признаками империалистической эпохи в качестве « исторически новой формы капитализма » (программа) особые признаки,** дающие достаточные основания для того, чтобы рассматривать его как отдельный этап общего империалистического развития» (пункт тезисов 1).

Людвиг дал на этот вопрос положительный ответ и приступил к анализу своеобразия послевоенного импе-

риализма. Но тут же в вопросе методологии анализа этого «своеобразия» происходит первое оппортунистическое грехопадение Людвига, определяющее его дальнейший строй идей.

Основным положением, из которого исходит Людвиг, это, что

> **«... война явилась одной из основных причин того, что общие признаки империализма, которые до войны сплошь и рядом существовали лишь в виде тенденций, получили полное развитие»** (п. 3).

Эта характеристика послевоенного империализма как периода **развившегося** монопольного капитализма проходила красной нитью через весь доклад и тезисы Людвига. А отсюда и логический вывод в области методологии изучения послевоенного капитализма, сводящегося к тому, что

> «... задача состоит именно в том, чтобы выявить особо существенные черты послевоенного империализма на **основе его наиболее пока достопримечательных фаз — «относительной стабилизации» и «третьего периода». Именно потому, что в этих фазах непосредственные послевоенные кризисы преодолеваются, пошатнувшиеся экономические, политические и социальные устои империалистических государств укрепляются, потому что кажется, будто довоенные уровни вновь достигнуты и развитие идет все дальше, — эти фазы являются подходящим объектом исследования особых условий существования всего периода послевоенного империализма, его основ и пределов»** (п. 5) (курсив наш. — *Дм. Б.*).

Мы пока оставляем без внимания достопримечательные оценки Людвигом «достопримечательных фаз» — «третьего периода» и стабилизации; к этому вопросу мы еще вернемся ниже. Здесь же нас интересует **общая** методология вопроса, намеченная Людвигом.

Людвиг изучает эпоху послевоенного империализма. Он соглашается признать за этой эпохой характер специфической фазы в историческом развитии империализма. Но где ищет и откуда черпает Людвиг показателей этой фазы? Он их берет в **одном** из этапов развития послевоенного империализма — так называемом «третьем периоде», превращаемом Людвигом, вопреки всем фактам и оценкам Коминтерна, в эпоху **консолидации** капитализма.

Людвиг не видит основного для послевоенного империализма — **всеобщего кризиса**, переживаемого капитализмом после войны. О нем Людвиг и не заикается ни в тезисах, ни в докладе.

Отвергая или замалчивая наличие всеобщего кризиса капитализма, Людвиг логически становится на точку зрения буржуазных экономистов, считавших кризисные явления 1919, 1920 и позднейших годов не проявлением **кризиса капитализма**, а **обычными капиталистическими** кризисами, лишь обостренными войной.

Людвиг так и пишет в 4-м пункте своих тезисов:

> «С другой стороны, было бы также ошибочно преувеличивать влияние войны, продолжающее сказываться на особых формах развития империализма в послевоенное время и возводить некоторые, вызванные непосредственными последствиями войны, экономические явления в решающие характерные признаки всего периода послевоенного империализма. Таковы например кризис валюты, упадок продукции, общее обнищание Европы в годы послевоенных кризисов».

Таким образом **органическим** для послевоенного капитализма по мнению Людвига является **консолидация**, именуемая «третьим периодом»; все же кризисные показатели — случайные, временные явления, **непосредственные** временные результаты войны. Прилагательные: «относительная», «временная» и т. д. — уже относятся та-

ким образом не к стабилизации, а к кризисным явлениям.

Совершенно очевидно, что такая постановка вопроса ничего общего с коммунистической не имеет. **Основное наше отличие от социал-демократов в оценке послевоенного империализма заключалось в том, что мы расценивали послевоенный кризис как органический кризис всей послевоенной системы, как всеобщий кризис капитализма, а социал-демократы говорили о временном, « нормальном » капиталистическом кризисе.**

ВСЕОБЩИЙ КРИЗИС КАПИТАЛИЗМА

Серьезной причиной явного соскальзывания правых «теоретиков», в том числе и Людвига, на меньшевистские позиции в оценке положения современного капитализма является наряду со всем прочим неверный отправной пункт анализа.

Вместо глубокого анализа первопричин современного положения капиталистического хозяйства, заложенных в загнивании капитализма и в послевоенном всеобщем кризисе, правые «теоретики» искусственно выделяют отдельные отрезки времени и в их пределах ведут свои изыскания.

Этот метод естественно ни к чему путному не приводит. Людвиг ограничивается «третьим периодом» для характеристики всего послевоенного капитализма, причем из показателей «третьего периода» он тщательно отбирает лишь те, которые отражают моменты укрепления капитализма.

Но эта методология как раз и характерна для меньшевистских и буржуазных метафизиков. Это и является в известной мере отражением «теории» Форда о том, что **« не надо вспоминать прошлого и бояться будущего ».**

Марксист-диалектик не может не «вспоминать прошлого», особенно такого близкого прошлого, непосредствен-

но определяющего и настоящее, и на этом строить прогнозы будущего.

Начало XX в. было эпохой невиданного расцвета мирового хозяйства. Капиталистическая система, казалось, достигла вершины своей славы. Росли мировые производительные силы. Каждый день приносил новые технические открытия и усовершенствования. Новые фабрики и заводы, новые цехи и мастерские присоединялись к уже существующим «мертвым рабам» капитала. Уголь, электричество, водяная сила, ветер — все использовалось капиталистическим хозяйством.

Развитие мирового хозяйства не всегда и всюду шло одинаково равномерно. Грандиозные кризисы периодически сотрясали все здание капитализма. Тогда останавливались маховики капиталистической машины, армия безработных заполняла городские улицы, лопались предприятия, слабый уступал дорогу сильному. Но проходило некоторое время, и снова гремели машины, рассасывалась безработица, и колесница капитализма катилась дальше вверх.

Как бы ни были сильны и глубоки отдельные зигзаги довоенного капитализма, общая кривая его развития шла **вверх.** Каждый год приносил значительное увеличение роста производительных сил в сравнении с прошедшим, иначе он считался неблагоприятным, кризисным годом.

Назревавшие через определенные периоды времени кризисы являлись временным разрешением противоречий капиталистического развития. Но, несмотря на все внешнее благополучие довоенного мирового капитализма, внутри его шел болезненный процесс загнивания. Вся идиллия расцвета и роста довоенного капитализма не противоречила органическому процессу загнивания, который подтачивал корни всей капиталистической системы.

Империалистическая фаза развития капитализма — апогей его славы — означала вместе с тем и его закат.

Те же причины, которые способствовали тому, чтобы империализм стал господствующей формой капитализма, обусловили его загнивание. Такова была диалектика довоенного развития капиталистического хозяйства, определявшая однако и его послевоенные судьбы.

Уже в середине 1913 г. на мировых рынках стали ощущаться серьезные заминки. В Германии, Франции, России начались серьезные кризисы, повысился учетный процент, стала падать зарплата. Накапливавшийся в результате внутреннего разложения гной начинал пробиваться наружу, давая себя чувствовать в расстройстве функций капиталистического организма. Мировая война должна была стать тем средством, при помощи которого капиталистический мир пытался разрешить все более обостряющиеся противоречия. Но капиталисты ошиблись в своих расчетах. Мировая война не только не разрешила старых противоречий, но, наоборот, еще более обострила их, прибавив к старым новые противоречия. Война не только не приостановила процесс загнивания капитализма, но еще более обострила его, вызвав к жизни в развернутой форме всеобщий кризис капитализма.

Послевоенный кризис мирового хозяйства принципиально отличается от так называемых циклических «нормальных» кризисов, характерных для довоенного капитализма. Послевоенный кризис является **органическим кризисом капиталистической** системы и, несмотря на ряд серьезных улучшений, которые внесла в положение мирового капиталистического хозяйства пресловутая стабилизация, он довлеет еще над судьбами современного капитализма.

Чем в первую очередь характеризуется кризис мирового хозяйства? Всеобщий кризис капитализма после войны характеризуется в первую очередь резким противоречием между выросшим производственным аппаратом и рыночным спросом. За время войны и в первые годы

после войны, в годы инфляции, в большинстве капиталистических стран значительно вырос производственный аппарат. После войны буржуазия пыталась перевести выросший военнопроизводственный аппарат на мирные рельсы. Однако капиталистическое производство сталкивается здесь с двумя чрезвычайно важными процессами: с одной стороны, уменьшается покупательная способность европейских рынков вследствие обеднения широчайших масс населения, а, с другой стороны, происходит рост промышленности в ряде колониальных и полуколониальных стран, что неизбежно отражается на товарном экспорте ряда империалистических держав. Увеличение производственных возможностей при явном сужении рынков сбыта являлось и является одним из характерных показателей, характерным признаком послевоенного кризиса капиталистической системы.

Рост производительных сил современного капитализма упирается в первую очередь в проблему рынков сбыта. Правда, проблема сбыта всегда являлась основной причиной капиталистических кризисов. Еще Маркс в III томе «Капитала» указывал: «Последняя причина всех действительных кризисов остается все же в бедности и ограниченном потреблении масс по сравнению с тенденцией капиталистического производства развивать производительные силы с такой интенсивностью, как будто их границей является абсолютная потребительная способность общества». Сейчас же благодаря ряду процессов, развернувшихся во время и после войны, проблема рынков сбыта приобрела особо важное значение. Индустриализация колониальных и полуколониальных стран во время войны, обеднение широчайших масс, снижение зарплаты рабочих, уменьшение покупательной способности широких масс населения в капиталистических странах как результат рационализации, — все это делает поиски рынков сбыта проблемой всех проблем капиталистического бытия.

Энгельс в своей «Речи в Эльберферде» указывал, что

> «промышленность неизбежно должна прогрессировать, чтобы не оставаться позади и не клониться к упадку, а для этого должна завоевать новые рынки, постепенно расширяясь путем устройства новых предприятий. Но так как с тех пор, как Китай доступен мировой торговле, нет новых рынков, которые можно было бы завоевать, а нужно увеличивать использование старых рынков, благодаря чему рост промышленности в будущем должен быть по необходимости более медленным, то в будущем Англия еще в меньшей мере, чем теперь, будет склонна выносить конкуренцию промышленности других стран. С такой же достоверностью, с какой мы приходим на основании известных математических посылок к определенному математическому выводу, мы должны притти к заключению, что на основании существующих экономических отношений и принципов политической экономии социальный переворот неизбежен».

Эти экономические посылки, основанные на анализе послевоенного всеобщего кризиса капитализма, и позволяют со всей решительностью делать выводы о неизбежности социального переворота.

Здесь можно было бы привести немало характеристик и цифр, иллюстрирующих глубину и остроту послевоенного кризиса капитализма. Но все эти данные более или менее широко известны, и лишь люди, сознательно выступающие в качестве апологетов (защитников) капитализма, могут «отвлекаться» от убедительнейших показателей наличия всеобщего кризиса капитализма.

Мы намерены здесь несколько подробнее остановиться на одном недавно наметившемся чрезвычайно, по нашему мнению, характерном проявлении всеобщего кризиса капитализма, который выпадает из всех сугубо ученых экскурсов Людвига, а часто недооценивается и

другими товарищами. Речь идет о процессе абсолютного уменьшения количества занятых рабочих, развивающегося в важнейших империалистических государствах.

ПРОБЛЕМА ОРГАНИЧЕСКОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ

На VI конгрессе Коминтерна и в различных литературных произведениях до и после его указывалось на чрезвычайно интересный процесс сокращения числа рабочих в промышленности и сельском хозяйстве ряда капиталистических стран.

Тов. Варга в своей книге «Экономика капитализма в период заката после стабилизации» доказывал на основании ряда данных, касающихся САСШ и Англии, что «в послевоенное время со времени стабилизации капитализма наступило абсолютное сокращение числа рабочих, занятых производительным капиталом» (стр. 23).

Впоследствии эти данные т. Варги подтвердились рядом опубликованных официальных статистических сведений и теоретических анализов ряда товарищей. Несомненно, что мы имеем дело с некоторым принципиально новым процессом. Как известно, Маркс, анализируя всеобщий закон капиталистического накопления («Капитал», т. I), констатировал тенденцию относительного увеличения промышленной резервной армии и **относительного** же уменьшения спроса на труд, определяемого переменной частью капитала.

> «С возрастанием капитала, — писал Маркс в т. I «Капитала», — увеличивается и его переменная, составная часть, или включаемая в его состав рабочая сила, но увеличивается она в постоянно убывающей пропорции... Ускоряющееся в растущей прогрессии накопление всего капитала становится условием того, чтобы можно было поглотить определенное добавочное число рабочих и даже того, чтобы, несмотря на

постоянные метаморфозы старого капитала, уже функционирующие рабочие сохранили работу».

Об этой тенденции абсолютного роста, хотя и относительного уменьшения, переменного капитала упоминает Маркс и в других местах «Капитала», в частности при анализе ренты.

Это положение Маркса главным образом относится к его эпохе, к эпохе «нормального капитализма». Начало XIX в. было периодом своеобразной «рационализации» капиталистического производства, заключавшейся в массовом переходе промышленности к машинному производству. Капиталисты усиленно ввозят машины как «средства производства прибавочной стоимости» (Маркс), выбрасывая на улицу огромные массы ставших лишними рабочих. Появление машины, ее победоносное продвижение в промышленность «освобождает» значительные группы и категории рабочих от их средств существования. Эта своеобразная «рационализация», выбрасывая на первых порах массу рабочих из тех или иных отраслей промышленности, однако снова вводила часть их в сферу производства в других отраслях промышленности.

Введение новых машин означало увеличение количества выпускаемой продукции при непропорциональном, замедленном **росте** рабочей силы. Увеличение продукции предъявляло в то же время рынку повышенное требование на целый ряд сырьевых товаров и полуфабрикатов. «С расширением машинного производства в одной отрасли промышленности, — писал Маркс, — увеличивается производство прежде всего в тех других отраслях, которые доставляют первой ее средства производства». Значительная часть выброшенных из «рационализированных» отраслей промышленности пролетариев, часть подрастающей рабочей силы и избыточного населения деревни могли применять свой труд в других отраслях промышленности. Большое значение в деле поглощения избыточной

рабочей силы и рассасывания растущей армии труда имел в период промышленного капитализма рост производства средств производства.

Рационализация этого периода развития капитализма носила, так сказать, «экстенсивный» характер: вводились совершенно новые машины, строились новые предприятия и т. д. Эта «экстенсивность» рационализации периода промышленного капитализма обеспечивала процесс абсолютного роста переменного капитала. Конечно этот абсолютный рост количества рабочей силы в промышленности не следует понимать так, что **вся** выбрасываемая на улицу благодаря введению новых машин рабочая сила на сто процентов находит применение своему труду. Маркс энергично боролся с так называемой теорией «компенсации», которую проповедывали буржуазные экономисты. Эти экономисты, как например Сениор, утверждали, что введение новых машин, вытесняющее рабочих, освобождает соответствующие капиталы, которые дают применение труду выброшенных рабочих.

Маркс указывал на то, что имеется ряд причин, препятствующих занятию в производстве всех «освобожденных» рабочих. Только часть рабочих, вытесненных из производства, имела возможность найти себе работу. Теоретические положения Маркса подтверждались статистическими данными относительного уменьшения в промышленности доли переменного капитала. Эта тенденция характеризовала **период промышленного капитализма.**

С того времени многое изменилось. Капитализм перешел в свою «новейшую» фазу монополистического капитализма. Он приобрел ряд новых, характерных исключительно для этой фазы развития показателей. Развились процессы, неизвестные в эпоху промышленного капитализма. Всеобщий кризис капитализма заострил и сделал более рельефным ряд показателей, характерных для загнивающего капитализма. Одним из таких

показателей является **абсолютное уменьшение рабочей силы.**

Процесс абсолютного уменьшения рабочей силы — не конъюнктурное явление, а является категорией, непосредственно связанной с монополистическим загниванием капитализма. Конкретно же этот процесс проявляется в **период всеобщего кризиса капитализма,** и особенно в современный так называемый «третий период».

Ленин, анализируя процесс загнивания капитализма, сводил его к трем основным показателям. В первую голову Ленин обращал внимание на «глубокие экономические основы империализма» — монополии. Монополия создает экономическую возможность искусственной задержки технического прогресса и этим самым зарождает тенденцию к застою и загниванию. Следующим показателем загнивания является выделение стран-рантье, — государств паразитически загнивающего капитализма. И наконец серьезным моментом, характеризующим империализм, является «уменьшение эмиграции из империалистических стран и увеличение эмиграции (прихода рабочих и переселения) в эти страны из более отсталых стран, с более низкой заработной платой».

Наиболее характерным из всех этих показателей является монополистическое загнивание, кладущее свой отпечаток на характер роста производительных сил во всю эпоху монополистического капитализма и проявляющееся в несколько модифицированном (своеобразном) виде в наше время.

Ленин усиленно предостерегал от фаталистического понимания монопольного загнивания. Не следует понимать монополистическое загнивание как полный застой техники и методов труда, как катастрофическое падение кривой производительных сил. Ленин подчеркивал, что речь идет об «экономической возможности» торможения технического прогресса, о **тенденциях** загнивания, ко-

торые однако развиваются неравномерно во времени и пространстве.

На каждом отдельном этапе развития монополистического капитализма эта тенденция монополистического загнивания принимает свои своеобразные формы и размеры. При этом характерно отметить, что тенденция загнивания далеко не всегда соответствует хронологически и пропорционально кризисным явлениям в народном хозяйстве той или иной страны.

В «третьем периоде» тенденция монополистического загнивания получает свое отображение в характере динамики капиталистической промышленности, особенно в капиталистической рационализации.

В наши дни маневрирование капиталистического корабля в фарватере послевоенного кризиса происходит под флагом капиталистической рационализации. Капиталистическая рационализация должна спасти капиталистический корабль и вывести его, по мнению буржуазии и социал-демократов, в свободные воды нового, невиданного доселе хозяйственного подъема.

Кое-кто пытается проводить формальные аналогии между капиталистической рационализацией наших дней и периодом введения машин начала XIX в. Эти поверхностные наблюдатели не видят за формальными аналогиями глубины явлений. Рационализация XIX в. происходила в условиях молодого, восходящего капитализма, в то время как рационализация современная происходит в условиях капитализма загнивающего. А отсюда и разница между экономико-социальным содержанием рационализации XIX и XX вв. Мы уже выше назвали рационализацию XIX в. «экстенсивной». В отличие от нее приходится характеризовать современную рационализацию как «интенсивную» [1].

[1] Подчеркиваем сугубую условность этих терминов.

В то время как рационализация XIX в. происходила за счет расширенного воспроизводства основного капитала, рационализация нашего времени проходит иными путями. Центр тяжести современной капиталистической рационализации переносится на сильнейшую интенсификацию труда. Этой задаче подчинены все отдельные элементы рационализации, проводимой в промышленности. Конвейер, ускорение производственных процессов, механизация внутризаводского транспорта, цепная связь производственных процессов, контроль над производством, специализация труда, нормализация и стандартизация — все эти характерные черты современной капиталистической рационализации означают в первую очередь увеличение производительности труда отдельных рабочих.

Процессы централизации и концентрации капитала, тоже являющиеся одним из китов современной рационализации, равным образом носят характер скорее «интенсивный», чем «экстенсивный». Происходит консервирование предприятий, скупка «диких» предприятий для их ликвидации и т. д.

Таким образом та временная, относительная и т. д. стабилизация капитализма, о которой мы говорим и пишем и о которой мы судим подчас лишь по эффективным цифрам продукции, происходит **главным образом** не за счет расширенного воспроизводства основного капитала,— так, как это было в период промышленного капитализма, — а за счет поднятия производительности труда отдельного рабочего.

Конечно было бы нелепо отрицать, что на тех или иных участках мирового хозяйства, тех или иных отраслях промышленности, особенно в так называемых «новых» отраслях, происходит расширенное воспроизводство основного капитала. Но дело не в этом, а в тенденции, характеризующей наш период; при этом следует иметь в виду, что новые отрасли промышленности отли-

чаются высокой производительностью при малом количестве рабочих. На годичном собрании акционеров Вестминстерского банка Юз Теннан указал, что в так называемых «новых» отраслях промышленности — электро-технической, автомобильной, химической, производстве искусственного шелка занято всего 700 тыс. рабочих из 12 млн., обслуживающих промышленность Англии.

В одной из своих статей в журнале «Плановое хозяйство» т. Спектатор приводил ряд интересных данных о темпах роста производительных сил. Он писал: «Применение механической силы увеличилось за 10 лет перед войной (1904—1914 гг.) с 13,5 до 22,4 млн. лошадиных сил, или на 66%, а за 1919—1925 гг. — с 29,3 до 35,8 млн. лошадиных сил, или всего на 22%». Эти цифры наглядно показывают весьма существенное замедление темпа расширения основного капитала в капиталистической промышленности. Если обратиться к данным, характеризующим положение в отдельных странах, к таким показательным данным, как например по германской промышленности, мы наткнемся на новое подтверждение вышеуказанного положения.

Тов. Спектатор приводил в своей статье ряд данных, характеризующих роль технических улучшений в германской рационализации.

По материалам германского союза машиностроительных заводов видно, что продукция и сбыт машин в Германии составляли:

Годы	Продукция	Сбыт на внутр. рынке (в млн. марок)	Экспорт
1913	2 800	2 050	750
1924	2 200	1 630	570
1925	2 900	2 140	670
1926	2 500	1 660	840
1927	3 400	2 440	960

Цены на машины в 1926 г. превышали довоенный уровень на 44—45%. Этим самым сбыт на внутреннем рынке составлял 1 100 млн. марок, или 53% довоенных. В 1927 г., когда положение значительно улучшилось, сумма вновь введенных машин фактически составляла 84% довоенных.

В американском экономическом журнале «Аналист» (от 9 марта 1928 г.) Л. Корлей вынужден сознаться, что «в прошлом жестокая безработица являлась результатом циклических причин. Но современная безработица — по всеобщему признанию весьма острая — только отчасти вызвана этими причинами. В основном безработица является результатом улучшенной «технологии». Наше хозяйство до сих пор не было в состоянии доставить другие занятия образовавшемуся излишку рабочих рук».

Таким образом современная капиталистическая рационализация, происходя в эпоху монополистического загнивания капитализма, в тенденции не опирается на относительно мощное расширенное воспроизводство основного капитала и не создает возможности роста числа рабочих, занятых в промышленности.

Характерным для современной капиталистической промышленности является уменьшение количества предприятий при незначительности нового промышленного строительства.

Тенденция к застою и техническому загниванию, характерная для монополистического капитализма (ни в коей мере не опровергаемая теми или иными техническими достижениями современного капитализма), является определяющим моментом процесса абсолютного уменьшения рабочей силы.

В период «экстенсивной» рационализации начала XIX в. мы имели, как указывалось уже выше, увеличение производства в ряде смежных с рационализируемой отраслей, в частности в области сырья. Увеличению производства

в этих отраслях соответствовало и увеличение рабочих рук. Что же мы имеем в наше время? Процесс механизации захватил и сырьевые области. Достаточно обратиться к характерным процессам рационализации, происходящим сейчас в угольной промышленности, где механическая погрузка угля, применение конвейеров, изменение методов организации производства и труда в шахтах превращают последние в своеобразные фабрики, чтобы убедиться в том, что ни о каком росте рабочих там не приходится думать.

Крупную роль в современной рационализации играет химическая промышленность, стремящаяся заменить органическое сырье неорганическим — синтетическим. И как раз химическая промышленность славится тем, что в ней основную роль играют инженеры, химики, техники, лаборанты и весьма незначительное место в общем процессе производства играют неквалифицированные, вспомогательные рабочие. На опыте химической промышленности Альфред Монд и Гильфердинг строят свои теории о возможности ликвидации социальных противоречий в современной промышленности и о мирном развитии капитализма. Наконец рост рабочей силы, участвующей в процессе производства, можно было бы себе мыслить при условии значительного расширения продукции, а следовательно и при наличии условий реализации этой расширенной продукции. Другими словами, рост рабочих в производстве мог бы в тех или иных размерах происходить, если бы у монополистического капитализма более или менее благополучно обстояло дело с проблемой рынков.

Энгельс в своей статье «Английский десятичасовой билль» писал:

> «Современная крупная промышленность может существовать только при условии постоянного расширения, постоянного завоевания новых рынков.

К этому принуждает ее бесконечная легкость самого массового производства, беспрестанное дальнейшее развитие и создание машин и обусловленное этим беспрерывное вытеснение капиталов и рабочей силы».

Монополистический капитализм как раз характеризуется невозможностью «постоянного расширения» своих рынков. Особенно наглядно эти рыночные затруднения вырисовываются в период послевоенного кризиса мирового хозяйства.

Политика интернационального картелирования ставит себе целью установление норм продукции в отдельных странах по тем или иным отраслям промышленности, пытаясь смягчить проблему рынков искусственным сокращением выпускаемой на мировой рынок продукции. Если в период рационализации XIX в. капитализм разрешал проблему уменьшения нормы прибыли, являвшегося результатом органического роста капитала, соответствующим расширением сбыта, то в наше время значительного сокращения емкости мирового рынка возможность реализации прибыли капитализм видит в соответствующем сокращении производства. Этого процесса не может компенсировать и так называемая «новая» промышленность, на которую возлагают надежды капиталисты метрополии, пытаясь при помощи ее преодолеть трудности проблемы рынков сбыта.

Рационализация эпохи монополистического капитализма, снижая заработную плату и уменьшая количество занятых рабочих рук, уменьшает платежеспособную емкость и внутреннего рынка.

Таким образом получается своеобразная картина: рационализация проводится для разрешения проблемы сбыта и в то же время она является причиной нового обострения сбыта на внутреннем рынке.

Мы элиминируем (обходим) здесь вопрос о недогрузке производственного аппарата, который тоже

играет в эпоху монополистического капитализма свою роль в вопросе абсолютного уменьшения рабочей силы.

Мы предвидим здесь одно возражение: процесс абсолютного уменьшения рабочей силы может быть и характерен для отдельных стран, но ведь проблема-то в целом определяется положением в мировом хозяйстве? А в мировом хозяйстве, как известно, благодаря индустриализации колоний и экспорту капитала число рабочих рук увеличилось? Такая постановка вопроса будет неправильной. Верно то, что мы сейчас должны мыслить мирохозяйственными масштабами, но нельзя забывать о том, что мирохозяйственный организм является единством весьма противоречивым. Неравномерное развитие капитализма делает систему мирового хозяйства весьма своеобразной. Нельзя арифметически складывать количество рабочих, занятых в промышленности в Индии и Англии, и оперировать их арифметической суммой. Это будет бухгалтерия, а не диалектика.

Вполне естественно, что говоря о процессе абсолютного уменьшения рабочей силы, мы имеем в виду не страну строящегося социализма, не страны, где капитализм еще развивается, а страны империализма, страны загнивающего капитализма.

В Индии мы не имеем еще такого развития процессов монополистического загнивания, а следовательно и подобных процессов уменьшения рабочей силы. Они развертываются в странах «новейшего» капитализма. Рационализация английской промышленности, протекающая в условиях загнивающей Англии, загнивание капитализма в САСШ наряду с другими показателями характеризуются стабилизованной резервной армией труда и абсолютным уменьшением рабочей силы, занятой в производстве.

Наиболее показательны цифры по САСШ.

«Анналист» от 9 марта 1928 г. приводит следующую таблицу уменьшения рабочей силы по различным отраслям хозяйства:

	Число занятых (в тыс.) 1919 г.	1925 г.	1926 г.	Уменьшение с 1919 по 1926 г.
Сельское хозяйство	11 300	10 500	10 350	950
Промышленность	10 689	9 772	9 850	840
Горное дело	1 065	1 065	860	205
Транспорт (жел.-дор.)	1 915	1 744	1 782	130
	24 969	23 081	22 832	2 125

По другим подсчетам цифра уменьшения занятой рабочей силы исчисляется в 2 200 тыс. человек. По подсчетам т. М. Рубинштейна за 5 лет после 1920 г. из промышленности, горного дела и железнодорожного транспорта САСШ было вытеснено 2 млн. рабочих. Если к ним прибавить естественный прирост населения в 4—4$^1/_2$ млн. человек, то образуется излишек рабочей силы примерно в 6$^1/_2$ млн. человек, которых не использовывали ни в сельском хозяйстве, ни в горном деле или транспорте.

Подобную же картину можно наблюдать и в Англии. По подсчетам т. Варги число рабочих, занятых в промышленности и в транспорте, составляло в Англии (в тысячах):

	Начало 1923 г.	Начало 1928 г.	Разница
Застрахованные	9 701	8 992	—809
Безработные	1 333	1 094	—239
Работающие	8 368	7 898	—470
Индекс продукции (годовой) .	88,7	96,3	+ 7,6

Из этих подсчетов видно, что число английских рабочих уменьшилось на полмиллиона, примерно на 6 %. В то же время продукция выросла на 7,6%.

Таким образом абсолютное уменьшение рабочей силы— не плод абстрактных, теоретических выкладок, а является реальным фактом, по крайней мере для ряда стран. Процесс этот протекает неравномерно и таит в себе огромные революционные возможности. Нерассасывающаяся резервная армия труда на фоне затруднения и даже полного исключения возможности эмиграции становится свинцовым грузом на ногах современного капиталистического общества.

Проблема органической безработицы серьезно заботит буржуазию, она пытается найти способы смягчения растущих трудностей. Английская буржуазия пытается искусственным путем стимулировать эмиграцию в Канаду и Австралию. Американская буржуазия отлично видит, что современная безработица не является сезонным явлением. «Journal of Commerce» откровенно пишет:

> «Мы имеем дело с хронической безработицей, которая будет все ухудшаться, а не улучшаться. Новый расцвет хозяйства не только не излечит ее, а будет даже усиливать, поощряя все виды индустриальных планов рационализации и стимулируя изобретения». (Цитируем по книге т. М. Рубинштейна, Противоречия американского капитализма.)

Буржуазный американский экономист Эванс Кларк пишет:

> «Настоящий кризис совершенно иного характера, чем те, что были до сих пор. Производство упало очень незначительно. Многие отрасли производства продолжают расти. Основные кадры безработных вызваны не этим. Парадокс основан на том, что машины пришли в конфликт с человеком. Двери закрытых фабрик откроются вновь, но значительная часть рабочих не вернется».

Все попытки буржуазии что-либо придумать для борьбы с этими процессами ни к чему не приводят.

Маркс в III томе «Капитала» в свое время ставил вопрос о политических последствиях возможного уменьшения абсолютного числа рабочих.

> «Если бы развитие производительных сил, — писал Маркс, — уменьшало абсолютное число рабочих, т. е. в действительности давало бы возможность всей нации совершать все свое производство в более короткое время, то это вызвало бы революцию, потому что большинство населения оказалось бы вышедшим в тираж».

Для **той** фазы развития капитализма, о которой писал Маркс и на основании показателей которой он строил свой анализ абстрактного капитализма, **такая** опасность капиталистическому обществу по всей видимости не угрожала. Это была эпоха пышного расцвета промышленного капитализма, период мощного роста производительных сил и непрерывного увеличения рабочего класса.

Маркс тогда предвидел политические последствия органической безработицы. Буржуазия наших дней ощущает это непосредственно на своей собственной шкуре.

Американский министр труда Девис еще в конце прошлого года в припадке откровенности заявил:

> «До сих пор новые отрасли промышленности всегда поглощали рабочую силу, вытесненную машинами. Но за последнее время мы развиваем новые машины гораздо более быстрым темпом, чем новые производства... Я дрожу при мысли о том, в каком положении мы очутились бы в результате развития механизации, если бы не имели заграждений, которые недавно установили для массовой иммиграции. Если бы мы продолжали допускать прилив иностранцев, как раньше, по миллиону в год, и это в то время, когда новые машины непрерывно «съедают» число мест работы, мы имели бы дело с кое-чем более серьезным, чем идущая теперь тихая индустриальная ре-

волюция (?)... Но и теперь положение очень серьезно... С изобретением каждой сберегающей труд машины должно итти изобретение путей использования человека, чью работу она сберегла. Другого пути нет».

Все эти серьезнейшие проблемы, которые, как мы видим, в очень сильной степени беспокоят буржуазию, благодушно обходятся Людвигом, переключающим все свое внимание на воспевание консолидационных доблестей капитализма.

Все своеобразие послевоенной экономики капитализма естественно исчезает таким образом из анализа Людвига, и он видит лишь благодетельное влияние войны, развившей все «нормальные» процессы капиталистического общества.

О БЛАГОДЕТЕЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ ВОЙНЫ

Людвиг в своей оценке послевоенного империализма, как и в ряде других вопросов, фактически солидаризируется с социал-демократией.

Он пытается, довольно неудачно, перепеть своего друга Тальгеймера, который в книге **«Теоретический кризис социал-демократии»** утверждает, что

«... война, подобно нормальному кризису, воз действует на экономику, вызывает технический прогресс, концентрацию и расширение производственного аппарата».

Но сам же Тальгеймер в полемике с австро-марксистом Лейхтером пишет:

«Но можно ли говорить о накоплении капитала во время войны и посредством войны в рамках всего капиталистического хозяйства, взятого в целом, в рамках всей капиталистической системы? Об этом не может быть и речи. Колоссальное уничтожение ценностей, вызываемое войной, не компенсируется ни-

какими внутренними перемещениями капиталистической системы, никакими изменениями роли отдельных государств и роли отдельных групп внутри тех или других классов каждого государства. Утверждение Лейхтера насчет созданного войной накопления мирового капитала есть лживая видимость, порожденная: 1) вульгарно-экономическим отождествлением мирового капиталиста с частным капиталистом и 2) перемещениями внутри мировой капиталистической системы» (стр. 90).

Вульгарно-экономическая сущность Людвига характеризуется тем, что он не видит того, как ряд процессов, развертывающихся **во время** войны, превращается в свою диалектическую противоположность **вскоре после войны,** становится элементом и причиной невиданного кризиса капиталистической системы.

Еще Энгельс в письме к Зорге писал:

«В том случае, если война кончится без внутренних потрясений, наступит такое истощение, какого Европа уже 200 лет не переживала. Победительницей явилась бы по всей линии американская промышленность и поставила бы всех нас перед выбором: либо вернуться назад к сельскому хозяйству и производить только для собственного потребления (так как всякое другое применение агрикультуры исключается американской конкуренцией на хлебном рынке), либо — социальный переворот».

Многое из этого гениального предвидения Энгельса, особенно в части перенесения центра тяжести мирового хозяйства из Европы в Америку, оправдалось. В остальном же важно, как оценивал Энгельс результаты грядущей европейской войны. В этом письме, как и в ряде других писем и статей, Энгельс подчеркивал, что неизбежным результатом войны явится **всеобщий кризис** капитализма. И вполне естественно, что каждый марксист,

приступающий к анализу послевоенного хозяйства, должен исходить из факта всеобщего кризиса капитализма, лишь различно проявляющегося в отдельных послевоенных фазах развития этого кризиса.

Людвиг вместо анализа послевоенного кризиса презрительно отмахивается от таких ничего для него не значащих «мелочей», как кризис валюты, обнищание Европы и т. п. В своем упоении позитивными (положительными), с точки зрения капитализма, моментами «третьего периода» он не видит основных процессов, потрясающих «относительную стабилизацию». Людвиг не понимает, что «относительная» стабилизация не является характерной фазой, определяющей **весь** послевоенный империализм, она не есть результат послевоенного развития империализма, а следствие слабости рабочего класса, не сумевшего в момент острого революционного кризиса свергнуть буржуазию и этим самым давшего возможность последней укрепиться на некоторых позициях.

Совершенно нелепо и неверно на основании некоторых показателей, характеризующих рост производительных сил капитализма в «третьем периоде», игнорировать все предыдущие показатели всеобщего капиталистического кризиса.

Большинство этих «старых» показателей, к которым так презрительно относится Людвиг, в той или иной скрытой потенциальной форме продолжает действовать и сейчас, модифицируя (видоизменяя) лишь свое конкретное проявление.

Разве проблема обнищания масс снята с порядка дня? Разве залечены уже раны, нанесенные как самой войной, так и послевоенной инфляцией? Разве капиталистическая рационализация и связанная с ней органическая безработица не означают прогрессирующего обнищания масс, распространяясь на все большее количество стран, притом не только одной Европы?

Или возьмем другой процесс, столь характерный для первых послевоенных годов: **расхождение уровня учетного процента в отдельных странах, характеризующее анархию на денежном рынке.** Разве мы после известного периода сближения учетных «ножниц» в наши дни не видим снова расхождения их? Разве сейчас не происходит ожесточенная борьба доллара с фунтом? И наконец не является ли характерным для послевоенного кризиса капитализма та вялая, но в то же время лихорадочно сменяющаяся конъюнктура, которую еще предсказывал Энгельс в своем «Английском десятичасовом билле»?

> «На современной высоте своего развития промышленность несравненно быстрее расширяет свои производительные силы, чем она может расширить свои рынки... Английские промышленники, средства производства которых расширяются несравненно быстрее, чем рынок, идут быстрыми шагами к тому моменту, когда их средства помощи будут исчерпаны, когда периоды процветания, разделяющие один кризис от другого, совершенно исчезнут под давлением производительных сил, достигших чрезмерного развития, когда кризисы будут отделены друг от друга короткими периодами вялой, едва оживляющейся промышленной деятельности, когда промышленность, торговля и все современное общество подвергались бы опасности погибнуть от избытка неиспользованной жизненной силы, с одной стороны, и от полного истощения — с другой, если бы это самое ненормальное положение не заключало бы в себе средств исцеления, если бы промышленное развитие не создало класса, к которому естественно должно перейти руководство обществом, — пролетариата, — социальный переворот тогда неизбежен и победа пролетариата несомненна».

На все это Людвиг сознательно закрывает глаза. Он «абстрагируется» от загнивания капитализма, от всеобщего кризиса, предавшись целиком консолидационным восторгам «третьего периода».

СССР — ФАКТОР РАСШАТЫВАНИЯ МИРОВОГО КАПИТАЛИЗМА

Людвиг, столь усердно и тщательно отыскивающий в современном капитализме элементы его укрепления, обходит молчанием крупнейшие проблемы, свидетельствующие о дальнейшем расшатывании капиталистической стабилизации.

Достаточно упомянуть о том, что во всех его многоречивых построениях блистательно отсутствует **СССР.** Лишь в конце своих тезисов Людвиг из вежливости приписывает какие-то нечленораздельные замечания о том, что

> «... именно резкая противоположность между «организованным капитализмом» и социалистическим плановым хозяйством, проявляющаяся не только теоретически, но и на практике — в неспособности империалистических держав преодолеть экономические противоречия и в прогрессирующих, несмотря на все затруднения, успехах социалистического строительства в СССР, — показывает, что актуальность пролетарской революции является существенным признаком послевоенного империализма».

Постановка вопроса о роли СССР в определении судеб современного капитализма в таком виде, как у Людвига, характерна для многих правых, еще недостаточно представляющих себе то огромное значение, которое играет СССР в разложении мирового капиталистического хозяйства, особенно в настоящее время.

Людвиг выдвигает СССР как некий изолированный организм, никакого действенного отношения к мировому хозяйству не имеющий. У Людвига СССР является лишь

нечто вроде опытно-показательного социалистического оазиса, а не актуально-действующего экономического и политического фактора разложения мировой капиталистической системы. И потому у Людвига СССР выпадает из всего его анализа **мирового** хозяйства.

Между тем с момента Октябрьской революции и особенно с момента развернутой социалистической реконструкции в систему мирового хозяйства вклинился новый чужеродный организм, исторически более прогрессивной формации. На теле загнивающего, разлагающегося мирового хозяйства возник новый, живой, растущий организм, бурное развитие которого означает гибель устаревшей системы капитализма Закон неравномерного развития, характерный для всех стадий капитализма и особенно для его империалистической стадии, явился одной из предпосылок победы пролетарской революции в одной шестой части земного шара. Этот же закон неравномерного развития, определяя непрерывный рост противоречий внутри капиталистического сектора, в то же время противопоставляет друг другу два мира: мир уходящий и мир нарождающийся. Эти два мира ведут друг с другом перманентную борьбу, выражающуюся не только в мелких и крупных пакостях, которые пытаются причинить СССР его «цивилизованные» соседи (террористические акты, вредительство, попытки экономической блокады и т. д.), но и в так называемой «мирной» повседневной войне. Эта перманентная война подчас сглаживается рядом факторов «надстроечного» порядка: мирными договорами, заключаемыми между СССР и отдельными капиталистическими странами, «нормальными» торговыми связями, концессиями и т. д. Но суть не в этом. За всем этим мирным покровом скрывается глубокий процесс далеко не мирного соревнования более прогрессивной хозяйственной системы с системой реакционной, отчаянно борющейся за свое сохранение.

Необходимо понять, что **поступательное развитие социалистической экономики Советского Союза неизбежно означает дальнейшее развитие процесса загнивания капитализма.** Несмотря на то, что в отдельных случаях растущее хозяйство СССР может своими заказами притупить на время остроту кризиса перепроизводства в той или иной капиталистической стране, разрядить там на известный период сгущенную кризисную атмосферу,— экономика и экономические формы СССР в **основном** таят в себе потенцию разрушения мировой капиталистической системы. Наша эпоха — эпоха единой, в то же время противоречивой системы мирового хозяйства, и поэтому решительные изменения в одном из звеньев этой системы не могут не отразиться на всей системе. Это в свою очередь определяет невозможность действительного, длительного мирного существования двух разнородных, пожирающих одна другую, систем.

В статье «Военная программа пролетарской революции» Ленин писал:

> «Победивший в одной стране социализм отнюдь не исключает разом вообще все войны. Наоборот, он их предполагает. Развитие капитализма совершается в высшей степени неравномерно в различных странах. Иначе и не может быть при товарном производстве. Отсюда непреложный вывод: социализм не может победить одновременно во всех странах. Он победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными.
>
> «Это должно вызвать не только трения, но и прямое стремление буржуазии других стран к разгрому победоносного пролетариата социалистического государства. В таких случаях война с нашей стороны была бы законной и справедливой. Это была бы война

за социализм, за освобождение других народов от буржуазии. Энгельс был совершенно прав, когда в своем письме Каутскому от 12 сентября 1882 г. прямо признавал возможность «оборонительных войн» уже победившего социализма. Он имел в виду именно оборону победившего пролетариата против буржуазии других стран.

«Только после того как мы низвергнем, окончательно победим и экспроприируем буржуазию во всем мире, а не только в одной стране, войны станут невозможными. И с научной точки зрения будет совершенно неправильно и совершенно нереволюционно, если мы будем обходить или затушевывать как раз наиболее важное: подавление сопротивления буржуазии, — наиболее трудное, наиболее требующее борьбы при переходе к социализму. **«Социальные» попы и оппортунисты всегда готовы мечтать о будущем мирном социализме, но они как раз тем и отличаются от революционных социал-демократов, что не хотят думать и помышлять об ожесточенной классовой борьбе и классовых войнах для осуществления этого прекрасного будущего»** (Ленин, Записки Института Ленина, т. II, стр. 7—8).

В наше время невозможно продолжительное сожительство Советского Союза со странами капитализма так, как это имело место на протяжении долгого периода между странами капиталистическими (для того периода прогрессивными) и феодальными.

Как капиталистическая, так и социалистическая системы не могут существовать не развиваясь, не воспроизводясь на расширенной основе, но современное капиталистическое хозяйство подходит к пределам возможности расширенного воспроизводства. Оно подходит к этим пределам не только со стороны реализации, но по более общим причинам: потому, что теперь с особой ясностью

вырисовываются рельефы перерастания производительными силами рамок капиталистических производственных отношений вообще. Существование СССР означает непреодолимое препятствие для дальнейшего прогрессивного развития капиталистической системы не только потому, что ей нехватает советского сырья и рынков сбыта, но и потому, что социалистическое хозяйство создает такие экономические отношения, которые обеспечивают темп роста производительных сил куда больший, чем капитализм, и этим самым является ферментом разложения мирового капиталистического хозяйства.

Многие буржуазные экономисты уже отлично сознают эту опасность, которую представляет собой СССР как **новая система экономических отношений.** В то время как желтая пресса и бульварные политики, выполняя социальный заказ своих хозяев, запугивают обывателя большевистскими ужасами и сводят опасность, угрожающую «цивилизации» со стороны варваров-большевиков, к войне, якобы провоцируемой воинствующим «красным империализмом» и революционными агитаторами, сеющими смуту,— более вдумчивые буржуазные ученые пытаются осознать то новое, что вносит в современное положение мирового хозяйства существование Советского Союза. Известный экономист Вебер в своей известной полемике с Зомбартом указывал, что сейчас нельзя говорить о едином мировом хозяйстве. В мировом хозяйстве сейчас имеются три системы. Первая система — докапиталистическая, куда входят Китай, Африка, часть Азии. Вторая система — капиталистическая, к ней относятся европейские страны, САСШ и т. д. Наконец хозяйственная система послекапиталистическая — СССР. Между этими тремя системами происходит борьба. Эта борьба, по мнению Вебера, ведется за докапиталистическую систему. Вебер видит два варианта исхода борьбы: один вариант сводится к тому, что капиталистическая система

подтягивает к себе докапиталистическую; другой — к тому, что послекапиталистическая система подтягивает к себе докапиталистическую, т. е. заставляет ее перескочить через этап капиталистического развития. Таким образом серьезный буржуазный экономист признает значение СССР как новой хозяйственной системы, определяющей путь дальнейшего развития всего мирового хозяйства.

Еще сравнительно недавно даже объективно подходящие к оценке процессов, происходящих в СССР, буржуазные экономисты лишь вскользь упоминали о **новом** в системе советской экономики.

В 1926 г. известный журналист Грабовский, посетивший СССР, в своих статьях в «Berliner Börsen Kurjer» указывал, что экономические отношения в СССР «нельзя еще назвать настоящим социализмом, но в то же время это не есть и государственный капитализм».

В конце 1925 г. в «Bergwerkszeitung» (орган германской тяжелой промышленности) было помещено письмо, автор которого весьма сочувственно относился к монополии внешней торговли. Между прочим этот же автор писал:

> «Мы не должны забывать, что мы стоим на пороге новой эпохи в мировой политике и мировом хозяйстве. И почему бы действительно из современной русской системы не выработаться в будущем вполне пригодной государственной и здоровой экономической форме».

Проф. Эрих Обст читал примерно в тот же период в Ганновере доклад о нашем хозяйстве. В этом докладе он доказывал, что в старой России заводы и транспорт не соответствовали экономическим нуждам страны. Большинство русских промышленных предприятий находилось совсем не на том месте, где они должны быть.

Обст указывал в своем докладе на необходимость для Советского Союза **«экономической революции в полном смысле этого слова»**.

Эту «экономическую революцию в полном смысле этого слова» и производит пятилетний план реконструкции нашего хозяйства.

И с этим планом теперь начинают серьезно считаться заграничные экономисты. «Пятилетка» становится интернациональной формулой, таящей в себе грозные предзнаменования для капитализма.

Борьба, которая изо дня в день ведется между капиталистической системой и социалистической, в основном сводится к соревнованию темпов индустриализации, темпов развития производительных сил. Каждая победа Советского Союза на фронте индустриализации страны и развития производительных сил социалистического сектора — трещина и в так уже подгнившем колоссе империализма. Из сопоставления темпов развития производительных сил в социалистическом секторе мирового хозяйства с капиталистическим можно понять всю грандиозность той органической борьбы, которая ведется между обоими секторами. Несмотря на узкий уровень производительных сил, на культурную отсталость, организованное плановое хозяйство позволяет Советскому Союзу сделать в ближайшие пять лет мощный скачок вперед в сравнении с темпом роста капиталистических стран.

До сих пор, несмотря на ряд огромнейших трудностей, Советский Союз, хотя и в скромных размерах, но все же постепенно догонял капиталистические страны. Лига наций исчислила развитие мирового производства по индексу производства важнейшего промышленного сырья и продовольствия.

В 1924 г. индекс производства важнейших видов сырья и продовольствия для Европы без СССР, по отношению к довоенному времени, принятому за 100, составлял 92, а с СССР—89. Таким образом СССР снижал европейский уровень, что означало наше отставание в то время.

В 1925 г. Европа без СССР дает 101, с СССР—102, следовательно СССР уже догоняет Европу.

В 1926 г. Европа без СССР—92, Европа с СССР—98.

Недавно опубликованные данные Лиги наций по 1927 г. иллюстрируют эту тенденцию еще более наглядно. Добыча угля без СССР составляет в 1926/27 г. в процентах к мировому итогу 43,6%, а включая СССР—46,1%. В 1927/28 г. цифры соответственно составляли 47,4% и 50,5%. Выплавка стали: в 1926/27 г. составляет 46,3% без СССР и 50,2%—с СССР. В 1927/28 г.—46,5% без СССР и 50,7%—с СССР. Выплавка чугуна в 1926/27 г.—46,8% без СССР и 50,5%—с СССР. В 1927/28 г.—49,1% без СССР и 53,2%—с СССР [1].

Таково примерное положение к настоящему времени. В то время как индекс физического объема производства СССР составляет примерно около 120% довоенного уровня производства, в ряде капиталистических стран он еще отстает от довоенного уровня. Англия еще не достигла довоенного уровня, отставая от него в 1928 г. примерно на 10%.

Задача Советского Союза, особенно четко формулированная в пятилетнем плане развития народного хозяйства, заключается в том, чтобы в кратчайший исторический срок догнать и обогнать крупнейшие капиталистические страны. Если принять во внимание, что в области показателей Советский Союз уже нагнал капиталистические страны и что в ближайшие пять лет нельзя рассчитывать на какой-либо серьезный сдвиг в области темпа развития капиталистического хозяйства, можно ожидать, что хозяйство Советского Союза обгонит капиталистические страны. Пятилетний план намечает конкретные формы такого соревнования:

---

[1] Приведенные здесь данные заимствованы из статьи т. Эвентова, «Большевик» № 8.

ТЕМП ПРОИЗВОДСТВА ЗА 5 ЛЕТ В СССР И КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

(1933 г. в процентах к 1928 г.)

Страны	Горная (добыча каменного угля)	Металлургия (выработка стали)	Текстильная (потребл. хлопка[1])	Транспорт (погрузка железных дорог)	Электроснабжение	Нефтепромышленность (добыча нефти)	Химическая (выработка азота без включения чилийской селитры)
Соединенные штаты	105,0	111,0	108,0	107,0	147,0	162,0	—
Англия	105,0	105,0	104,0	105,0	—	—	—
Германия	115,0	127,0		105,0	138,0	—	—
Франция	129,0	140,0	111,0	108,0	—	—	—
Весь мир	212,0	118,0		—	—	153,0	183,0
СССР Отпр. вариан.	193,8	199,8	173,0	167,3	450,0	167,0	7 086,9
СССР Оптим. »	216,9	250,4	188,8	186,6	583,3	191,5	11 434,8

Хотя к концу 5 лет хозяйство Советского Союза еще будет отставать в области абсолютной продукции от САСШ и в ряде крупных отраслей промышленности от Англии, Франции и Германии, но все же оно значительно приблизится к общей продукции крупнейших европейских стран. Пятилетний план, в котором запротоколирован невиданный доселе темп развития, не является утопичным планом бессмысленных мечтателей; его выполнение вполне реально. Залогом этого служит как темп развития народного хозяйства СССР до последнего времени, так и экономические и социальные отношения, позволяющие Советскому Союзу развивать бешеный темп хозяйственного развития, на который естественно неспособны отсталые капиталистические экономические отношения. Осуществление пятилетнего плана означает радикальные изменения всего хозяйственного лица Советского Союза и его роли в мировом хозяйстве.

[1] Потребление хлопка дано за 1927/28 и 1932/33 хозяйственные годы (с 4/III по 31/VII); Германия и Франция объединены в целях устранения влияния границ.

И потому совершенно очевидно, что невозможно в наше время анализировать положение мирового хозяйства, не принимая в расчет актуальнейшего значения социалистической индустриализации СССР.

Отсутствие СССР в научных построениях Людвига в большой степени определяет его «оптимистическую» оценку положения мирового хозяйства вообще и «третьего периода» в частности. Людвиг и иже с ним не только не видят, что «третий период» является периодом расшатывания стабилизации, назревания противоречий в капиталистическом лагере, но они не понимают и того, что одним из составных элементов «третьего периода» является бурный рост социалистической экономики СССР, осуществление пятилетки, реконструкция народного хозяйства в одной шестой части земного шара на новых социалистических началах. А отсюда вся их теоретическая сумятица в вопросе оценки «третьего периода».

«ТРЕТИЙ ПЕРИОД»

Вокруг оценки «третьего периода» в последнее время, как известно, развернулись большие бои. Установленный на VI конгрессе Коминтерна термин «третий период» правые оппортунисты и примиренцы попытались использовать на предмет оправдания своей меньшевистской оценки современного капитализма и судеб стабилизации. Правые и примиренцы видят лишь одну сторону «третьего периода»: некоторый рост производительных сил капитализма, технические достижения и т. д., но сознательно закрывают глаза на то, что «третий период» неизбежно ведет через дальнейшее развитие противоречий капиталистической стабилизации к **дальнейшему** расшатыванию капиталистической стабилизации и к резкому обострению общего кризиса капитализма» (из резолюции VI конгресса Коминтерна). Правые и примиренцы закрывают глаза на отрицательные стороны «треть-

его периода», первопричины которых коренятся в загнивании капитализма, в послевоенном всеобщем кризисе капитализма.

Правые и примиренцы не хотят понять всей остроты и своеобразия капиталистических противоречий именно в «третий период» и вытекающие последствия в виде непосредственной опасности второго тура империалистических войн, перерастания экономических боев пролетариата в политические и т. д.

Казалось бы, что **коммунист**, трактующий о «третьем периоде» и к тому же претворяющий этот «третий период» в определяющий элемент всего послевоенного кризиса, должен был бы со всей внимательностью и всесторонностью проанализировать **все** элементы «третьего периода». Между тем, как определяет Людвиг «третий период»? С аккуратностью немецкого профессора он приводит ряд показателей и определений «третьего периода». Но среди них вы не найдете ни одного указания на расшатывание стабилизационных моментов «третьего периода».

> «Этап развитого послевоенного империализма, — заявил Людвиг, — является, с одной стороны: а) периодом восстановления («относительная стабилизация»), б) периодом прогрессирующего увеличения производительных способностей до размеров, превышающих довоенный уровень («третий период») в одной части империалистических держав (образец — Германия), с другой стороны, этот этап является периодом все большего расширения империализма, получившего мощный толчок благодаря войне в другой части империалистических держав (образец — САСШ)».

Таким образом послевоенный империализм, получивший свое наглядное отражение в «третьем периоде», является не только периодом восстановления довоенного капиталистического величия, но даже прогрессирующего развития капитализма. Это все, что видит Людвиг

в «третьем периоде». С одной стороны, растет Германия, с другой — растут САСШ.

Словом — всеобщее благоденствие!

Где же упадок капитализма, — спросит читатель, — показать который обещает Людвиг? Но «у дедушки Якова — товару всякого». В идейном багаже Людвига имеется на всякий случай и упадок, но упадок этот какой-то своеобразный, весьма подозрительной природы.

Людвиг указывает, что в силу сужения рынков сбыта, в силу монополии, в силу торговой таможенной политики, в силу индустриализации некапиталистических ранее областей, в силу экономического усиления Советского Союза монопольный капитал вынужден прибегать к основному оружию во всякой капиталистической конкурентной борьбе — к развитию производительных сил. Но эта борьба осуществляется не в форме свободной конкуренции, а в форме «монополии».

Вот единственное упоминание Людвига о противоречиях современного капитализма. Но эти противоречия ведут к... **развитию производительных сил.** Какой же это упадок и расшатывание стабилизации, которые помогают капитализму развивать производительные силы и по существу стимулируют его рост и, как видно из других мест доклада Людвига, восстанавливают мировой рынок?

Если бы мы могли с такой легкой совестью, как это делает Людвиг, признать, что современное положение капитализма стимулирует рост производительных сил, то этим самым мы должны были бы согласиться с тем, что капитализм еще имеет необъятные возможности для дальнейшего существования как система и что разговоры о загнивании капитализма и всеобщем кризисе являются пустой болтовней.

Если основная проблема современного капитализма — проблема рынка — означает рост производительных сил, то глубоко неправильно было бы для Коминтерна выдви-

гать эту проблему на передний план как характерный показатель всеобщего кризиса капитализма. Но каждому логически мыслящему человеку совершенно очевидно, что в своих апологетических потугах оценки «третьего периода» Людвиг запутался в трех соснах и все его попытки выбраться из них еще глубже и глубже толкают его в оппортунистическое болото.

Основным, что воодушевляет Людвига на столь патетические оценки, является рост **монопольных объединений.** Он приходит в своем докладе к выводу, что послевоенное развитие монополии отличается от довоенного не только количественно в смысле увеличения количества и роли монополистических объединений, но и качественно, в виде «организации капитализма». Послевоенный монополистический капитализм, по мнению Людвига, законченный, в то время как до войны были лишь тенденции монополистического капитализма.

> «Послевоенный империализм,—провозглашает Людвиг в своих тезисах, — это эра развитого монопольного капитализма. Последняя становится все более и более господствующей формой процесса производства и распределения всего общественного капитала» («Организованный капитализм»).

Это восторженное отношение к монополистическому капитализму в его послевоенной стадии и характеристика его как «организованного» не являются лишь **случайным** фактом из биографии Людвига. Это характерно для целой системы миросозерцания.

III. ПЕВЦЫ «ОРГАНИЗОВАННОГО КАПИТАЛИЗМА»

ПО СТЕЗЕ ГИЛЬФЕРДИНГА

Одной из наиболее характерных установок для оппортунистических оценок современного капитализма является восторженное отношение к проблеме так называемого **«организованного капитализма»**. Эта теория стала в последние годы венцом мироздания восприятия социал-демократами мирового капиталистического хозяйства.

Особенно «четко» поставил этот вопрос теоретический вождь II Интернационала — Рудольф Гильфердинг на Кильском съезде германской социал-демократии в 1927 г.

Определяя задачи социал-демократии в германской республике, Гильфердинг попутно давал оценку «новому этапу» в развитии капитализма. По его мнению, мировое хозяйство вступало в то время в «общую... фазу улучшения конъюнктуры». Гильфердинг отрицал наличие какого бы то ни было экономического кризиса, восторгаясь огромными техническими и организационными достижениями капитализма. Новый этап капитализма определяется, по мнению Гильфердинга, тем, что «мы приходим теперь к капиталистической организации хозяйства, другими словами, приходим от **свободной игры экономических сил к организованному хозяйству»**.

Гильфердинг подводил производственно-технический базис под эту новую систему организации капитализма,

считая, что выступление в промышленности на первый план синтетической химии требует соответствующей реорганизации хозяйства. В своем докладе Гильфердинг приводил ряд доводов в пользу неизбежности и необходимости организации капиталистического хозяйства и замены «эгоистической конкуренции научным методом соперничества».

После всех своих научных размышлений Гильфердинг приходит к выводу, что «организованный капитализм» означает в действительности принципиальную замену капиталистического принципа свободной конкуренции социалистическим принципом планомерного производства, а друзья Гильфердинга, вроде социал-демократа Декера, просто называют современный этап капитализма «социализмом в становлении».

Мысли Гильфердинга, высказанные им на Кильском съезде германской социал-демократии, не представляют собой каких-либо откровений, неведомых доселе в лагере реформистов.

«Гениального» Гильфердинга предвосхитил еще в конце прошлого столетия духовный отец ревизионизма Бернштейн, правда, в несколько более скромных формах. В своей работе «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» Бернштейн воспел дифирамбы монополистическим объединениям, предсказывая им большую роль в деле преодоления капиталистических кризисов.

Ревизионистские идеи Бернштейна в области оценки роли картелей нашли в перерождающейся социал-демократии благодатную почву.

Особенно эти взгляды, унаследованные от Бернштейна, расцвели в период так называемой стабилизации, когда социал-демократы уверовали в новый, неизбежный расцвет капитализма на реконструированном экономическом и техническом базисе. Как раз этот период (относительной

стабилизации) характеризуется огромным повышением производительности труда социал-демократических теоретиков по части изыскания всевозможных доводов в пользу реальности «организованного капитализма».

Уже в 1924 г. в своей статье «Проблемы нашего времени» («Гезельшафт» № 1,1924 г.) Гильфердинг писал: «Разделенные прежде формы промышленного, торгового и банковского капитала стремятся к объединению в форме финансового капитала. Это означает переход от капитализма свободной конкуренции к капитализму организованному. Обобществление рабочего процесса в крупном производстве развилось в обобществление рабочего процесса целых отраслей промышленности. Благодаря этому растут вместе с тем сознательный порядок и руководство в хозяйстве, они стремятся преодолеть на капиталистической основе анархию, имманентную капитализму свободной конкуренции. Если бы эта тенденция могла беспрепятственно проложить себе дорогу, мы имели бы в результате хотя и организованное хозяйство, но организованное иерархически, в антагонистической форме».

Гильфердингу подпевала и вся прочая малая теоретическая братия из других социал-демократических партий вплоть до «левых» австрийских социал-демократов. Последние, правда, пытались проблему «организованного капитализма» чуть-чуть подкрасить ссылками на то, что «организованный капитализм» повсюду стоит под знаком обострения классовых противоречий (из статьи австро-марксиста Лейхтера в «Кампфе»).

Таким образом процесс развития капитализма, по мнению социал-демократических апостолов «организованного капитализма», складывается достаточно определенно. Исходя из теоретически вполне правильной и практически реальной посылки о тенденции современного капитализма к быстрому росту концентрации произ-

водства и монопольных объединений, социал-демократические политики доводят в своих теоретических построениях эту мысль до абсурда. Пользуясь неверным методологическим приемом — мышления пределами — они создают теорию «организованного капитализма», в котором гигантские монополии контролируют все народное хозяйство, отменяя конкуренцию, устраняя кризисы и основные противоречия капиталистического хозяйства. Анархия производства и распределения, являющаяся неотъемлемым спутником капиталистического хозяйства, превращается волей небожителей II Интернационала в сознательно планово-регулируемую всеобщую гармонию. Эта гармония не остается при этом лишь добродетелью отдельных капиталистических государств, а становится **всемирной** категорией.

По существу мы имеем здесь новый рецидив старой, разбитой по всем пунктам Лениным каутскианской теории ультраимпериализма, подновленной, подкрашенной и приспособленной к потребностям сегодняшнего дня социал-фашистскими эпигонами марксизма. Недаром Ленин считал ультраимпериалистическую теорию Каутского «самой тонкой, наиболее искусно подделанной под научность и под международность, теорией социал-шовинизма» (Ленин, т. XIII, стр. 148). В своей теории ультраимпериализма Каутский указывал на то, что «теперешняя империалистическая политика может быть вытеснена новой ультраимпериалистической, которая поставит на место борьбы национальных финансовых капиталов между собой общую эксплоатацию мира интернационально-объединенным финансовым капиталом». Каутский в 1915 г. сравнительно сдержанно говорил о возможности конкретного осуществления ультраимпериализма. Он главным образом подчеркивал теоретическую «мыслимость» подобной фазы капитализма, причем в теоретической возможности наступления фазы ультраимпериа-

лизма Каутского убеждало усиление интернационального картелирования и развития монополистических тенденций капитализма. В своих последних трудах Каутский уже более решительно говорит об ультраимпериализме, считая, что современное состояние международного картелирования и трестификации дает право говорить не только о теоретических возможностях.

Мы не станем останавливаться на достаточно известной критике теории ультраимпериализма Каутского и его последователей. Важно лишь подчеркнуть, что методология ультраимпериализма Каутского и современных сторонников «организованного капитализма» по существу одна и та же. Упираясь в несомненные тенденции современного капитализма к развитию монополистических объединений, они приходят к абсурдным выводам о полном сглаживании капиталистических противоречий.

Понятно, что дело здесь отнюдь не только в случайных чисто методологических ошибках. Несомненно, что у социал-демократов желание и потребность рождают соответствующую теоретическую мысль. Для социал-демократов проблема «организованного капитализма» — это не теория «в себе», это отправной пункт, боевой плацдарм для ряда серьезных политических и тактических установок.

Теория «организованного капитализма» имеет в первую очередь служебное назначение: **доказать блестящие успехи капитализма за последние годы и его жизнеспособность в будущем.** Не случайно поэтому социал-демократические сторонники теории «организованного капитализма» либо начинают, либо кончают свои теоретические откровения песнопениями возрождающемуся капитализму, его укреплению и блестящим перспективам его дальнейшего развития.

Расцвет капитализма «диалектически» переплетается у меньшевиков с огромными достижениями в области

организации. «Венская рабочая газета» в одной из своих статей, посвященной «мирохозяйственным изменениям», так и пишет: «Рационализация представляет собой не что иное, как техническое усовершенствование, которое так же старо, как само развитие капитализма, и колоссальные картели и тресты представляют собой не что иное, как форму концентрации, которая также рождается вместе с капитализмом. В данном случае однако количество, темп развития переходят в качество: хозяйственная революция последних лет заключается не в отдельных мероприятиях, которые проводятся крупными капиталистами, она заключается также не в тех или иных изобретениях, не в тех или иных организационных мероприятиях, — нет, она состоит в том, что **все эти явления, вместе взятые, начинают придавать капиталистическому хозяйству новое лицо»**.

«Новое лицо» капитализма сводится, по мнению меньшевиков, с одной стороны, к изживанию и ликвидации послевоенного кризиса капитализма и, с другой стороны, к новому технико-экономическому подъему на базе «организованного капитализма». И не случайна поэтому методология Людвига, упирающаяся в характеристику послевоенного империализма как периода «развившегося монопольного капитализма». Людвиг, как и социал-демократы, приходит в конце концов к неизбежному «организованному капитализму». Этой же участи не может, естественно, избежать и т. Бухарин, защищающий в своих статьях возможность «организованного капитализма». Сколько бы т. Бухарин ни говорил о кризисе капитализма, об его затруднениях и т. д., защищая идею «организованного капитализма», он неизбежно должен переоценить свои взгляды на современное экономическое положение последнего. И потому в своих статьях в «Правде» т. Бухарин пишет о современном капитализме, который растет уже как «нормальная» капиталистическая система. Но

ведь как раз социал-демократы и уверяют сейчас, что капитализм преодолел все свои временные «неполадки» и снова возвращается к «добрым», «старым», «нормальным» временам, существовавшим до войны.

Идея «организованного капитализма», которую сейчас так усердно проповедуют социал-фашисты, должна послужить оправданием теорий о невозможности и ненужности революций, о мирном врастании в социализм. Именно на базе «организованного капитализма» строится знаменитая принципиальная установка социал-демократов о **хозяйственной демократии.** Гильфердинг на Кильском съезде германской социал-демократии, говоря о хозяйственной демократии, заявил: «Проблема сейчас заключается в том, чтобы с помощью государства, с помощью сознательного общественного управления перестроить это организованное и управляемое капиталистами хозяйство в хозяйство, управляемое демократическим государством». Это тот единственный возможный путь, которым, по мнению социал-демократов, рабочий класс придет к социализму. Путь этот весьма несложен. Идет стремительный рост монопольных объединений как внутри отдельных стран, так и в интернациональном масштабе. Экономическое сближение отдельных государственных капиталистических трестов обусловливает уничтожение конкуренции, а следовательно и политическое сближение. Формой такого сближения в национальном масштабе является демократическое государство, а в интернациональном — Лига наций. Рабочий класс должен всячески помогать этому мирному процессу врастания в социализм, всячески укрепляя демократическое государство, помогая капиталистам развивать промышленность, осуществлять капиталистическую рационализацию и т. д.

Каутский в то время, когда он был еще марксистом, дал неплохую оценку всем этим лживым насквозь теориям, имеющим своей целью лишь разоружить рабочий класс

в его классовой борьбе. В брошюре «Путь к власти» Карл Каутский писал: «То, что «реформистам» кажется мирным врастанием в социализм, есть лишь рост силы обоих противоположных классов, которые стоят друг против друга в непримиримой борьбе... Врастание в социализм есть только другое выражение постоянного обострения классовых противоречий, врастание в эпоху великих и решительных классовых битв, которые мы называем социальной революцией».

Социал-демократы, как мы видим, придают теории «организованного капитализма» весьма существенное для их предательских целей назначение. Теория «организованного капитализма» должна целиком оправдать их беззаветную защиту интересов буржуазии.

И не случайно поэтому Коминтерн немало энергии посвятил разоблачению подлинного содержания социал-демократического термина «организованного капитализма». И с неменьшей решительностью Коминтерн будет бороться с отходящими от генеральной линии коммунизма правыми оппортунистами, откровенно кокетничающими с «организованным капитализмом».

В лучшем случае теоретические оруженосцы правого оппортунизма подходят к термину «организованного капитализма» явно некритически, а в худшем — выступают открытыми защитниками его.

Людвиг в своем докладе в Комакадемии так и заявил: «Никакого сомнения: монополистический капитализм не позволяет производительным силам капитала развиваться так анархически, как это имело место во время свободной конкуренции. Он организован. Он стремится сделать созвучным рынок и производство и избежать заминок сбыта и колебания цен». И повидимому для того, чтобы не оставалось сомнений, о чем идет речь, Людвиг в соответствующем пункте тезисов доклада достаточно откровенно повествует о том, что речь идет об «организованном капитализме».

«Порожденная растущими трудностями в деле удовлетворения потребностей капитала в прибыли, монополия обозначает последнюю великую (?! — *Дм. Б.*) попытку капитализма преодолеть это противоречие путем организованного капитализма».

Таким образом Людвиг отождествляет монополию с «организованным капитализмом», скромно забывая о том, что монополия отнюдь не уничтожает капиталистических противоречий. Этим самым Людвиг делает первый шаг вперед по дорожке оппортунизма вслед за Гильфердингом, который в своей характеристике «организованного капитализма» указывает все же на его антагонистический характер.

Каждому, даже мало искушенному в современных метаморфозах «оппортунистов от коммунизма» читателю бросится в глаза это поистине удивительное совпадение стиля и мыслей социал-фашиста Гильфердинга и члена коммунистической фракции германского парламента Людвига. Характерно также совпадение методологии анализа элементов, образующих пресловутый «организованный капитализм», у правых оппортунистов и социал-демократов. Таким элементом в первую очередь является процесс роста госкапиталистических элементов в современном буржуазном государстве.

ЭНТУЗИАСТЫ ГОСКАПИТАЛИЗМА

Основной погрешностью теоретических оруженосцев правого оппортунизма в оценке современного капитализма является **преувеличение тенденций госкапитализма, несомненно имеющихся сейчас в ряде стран, и неправильная их оценка.**

Загипнотизированные отдельными фактами регулирования государством частных предприятий или даже целых отраслей капиталистического хозяйства, «оруженосцы» сме-

шивают в кучу самые разнообразные явления или формально одинаковые, но проистекающие от совершенно различных причин процессы. Совершенно очевидно, что нельзя смешивать госкапиталистические тенденции в Германии, формально сходные процессы в Японии и стремление фашистского корпоративного государства подчинить себе отдельные отрасли хозяйства.

Наши «энтузиасты» госкапитализма и не пытаются даже индивидуализировать отдельные виды регулирования государством промышленности, происходящего в одних случаях в силу обостренного кризисного положения, в других — как временное мероприятие, результат тех или иных политических комбинаций и т. д. Между тем еще Энгельс в «Анти-Дюринге» указывал, что

> «...многие из производительных учреждений и средств сообщений сами по себе уже так грандиозны, как например железные дороги, что исключают всякую другую форму капиталистической эксплоатации кроме акционерной, но на известной ступени развития и эта форма становится более не по силам капиталистам, и — официальный представитель капиталистического общества — государство — вынужден брать на себя управление производством».

К этому следует сноска Энгельса следующего содержания:

> «Я говорю: вынуждено. Ибо только в том случае, если средства производства или сообщения фактически переросли форму акционерных обществ, так что переход их в руки государства стал экономически неизбежен, — только в этом случае подобный переход даже в руки современного государства означает экономический прогресс, подъем на новую ступень, подготовляющую переход всех производительных сил в ведение общества. Между тем в последнее время, с тех пор как Бисмарк бросился на путь «огосу-

дарствления», появился известного рода лжесоциализм, там и сям вырождающийся даже в своего рода холопство, который объявляет без дальнейших рассуждений социалистическим всякий переход коммерческих предприятий в руки государства, даже переход à la Бисмарк. Таким образом если бы государственная монополия выделки табака была делом социалистическим, то Наполеона и Меттерниха можно было бы причислить к основателям социализма. Если бельгийское государство по совершенно обыденным финансовым и политическим соображениям взяло на себя постройку главных железных дорог и если Бисмарк без всякой экономической необходимости перевел в руки государства главные железнодорожные ветви Пруссии с единственной целью лучше приспособить их на случай войны, превратить железнодорожный служебный персонал в стадо, голосующее в пользу правительства, а главное, чтобы создать себе новый источник дохода, не зависящий от парламентских постановлений, — то все это ни в каком смысле — ни сознательно, ни бессознательно, ни прямо, ни косвенно — не представляет шага по пути к социализму. Иначе пришлось бы счесть за социалистическое учреждение королевский торговый флот, королевскую фарфоровую фабрику и даже ротные швальни и армии» («Анти-Дюринг», стр. 193).

Этот «лжесоциализм, вырождающийся в своего рода холопство», весьма характерен для современной гильфердинговской школы. Для них каждый шаг по пути огосударствления того или иного предприятия является чуть ли не социалистическим завоеванием. Причина этого легко объяснима, ибо, как мы видели выше, каждое проявление госкапиталистической тенденции является для социал-демократии лишним доказательством реальности «организованного капитализма».

В отличие от современных оппортунистических эпигонов марксизма Энгельс сумел диалектически подойти к анализу процесса, лишь зачатки которого ему были видны. Энгельс здесь выдвигает критерий экономической прогрессивности того или иного факта огосударствления отдельных предприятий. Этот критерий у наших «теоретиков» совершенно выпадает. Они торжественно провозглашают «законы», констатируют факты и на этом основании считают себя вправе возводить воздушные замки мифического «организованного капитализма». При этом процесс роста госкапиталистических тенденций представляется нашим «теоретикам» как некая мирная, постепенная концентрация в руках государства руководства и контроля над всем народным хозяйством страны.

Восторгаясь движущими силами госкапиталистических тенденций, они сознательно закрывают глаза на серьезнейшие противодвижущие силы. Они забывают о том, что наряду с тенденцией регулирования государством тех или иных наиболее важных предприятий наблюдается не только сопротивление этим тенденциям в виде стремления отдельных предприятий сохранить свою независимость от государства, но и в виде атак частных предпринимателей на существующие уже твердыни государственного капитализма.

В современном капиталистическом хозяйстве, с одной стороны, действуют несомненно факторы, благоприятствующие усилению государственного регулирования частных предприятий. Такими факторами являются особенно жестокие кризисные явления в отдельных отраслях промышленности, недостаточная аккумуляция (накопление) капитала в этих отраслях; в этих случаях предприниматели готовы получать правительственные субсидии, если они даже и связаны с известным ростом их зависимости от государственного аппарата. Наглядным примером

подобных процессов может служить организация государственного торгового флота в САСШ.

В 1915 г. статс-секретарь Мак Аду написал письмо президенту САСШ, в котором мотивировал необходимость создания государственного торгового флота тем, что в руках частного капитала торговое судоходство будет развиваться слишком медленно, что рентабельность капитала, вложенного в судоходство, недостаточна, и пароходные компании поэтому иногда даже приносят убытки. Перед САСШ стояла необходимость преодолеть конкуренцию английского торгового флота главным образом в Южной Америке. Частные общества не могли итти на те убытки, которые неизбежно приносили в то время пароходные компании, и поэтому был создан государственный торговый флот, который во имя интересов всего класса капиталистов в целом шел на известные убытки для преодоления английской конкуренции.

Но в то же время действуют и силы другого порядка. При некотором улучшении положения или при общем благоприятном состоянии той или иной отрасли промышленности она яростно обороняется от бюрократической опеки госаппарата или муниципального «социализма». Капиталистическая конкуренция происходит уже не только в старых формах, но и в виде борьбы «свободных монополий» со сросшимися с государством госкапиталистическими объединениями.

Подобные противоречивые процессы можно наблюдать в Японии, в Германии и особенно наглядно в Англии. В Англии например «комитет телеграфной связи», состоящий из представителей крупной промышленности во главе с руководителем известного концерна Хардманом Левером, проводит политику передачи в частные руки всего почтового дела. Глава почтового ведомства виконт Вольнер выражал как-то свое убеждение, что «если бы управление почтой перешло в частные руки, она не только увеличила бы свою доходность, но и лучше обслуживала

бы население» (цитируем по корреспонденции Т. Сейлора в «Экономической жизни»).

На опыте английского капитализма можно особенно наглядно наблюдать эту борьбу двух противоположных тенденций. С одной стороны, можно видеть, как государство участвует в развитии капиталистического хозяйства, вкладывая крупные суммы в различные отрасли промышленности; с другой стороны, буржуазия старается освободиться от государственного влияния. Бешеное подчас сопротивление отдельных предприятий или капиталистических объединений попыткам государственного регулирования объясняется и тем, что предприниматели, находящиеся в лучшем положении, не намерены уравнивать цены. А это и является как раз часто следствием государственного регулирования, тем более что на рынке существует диспропорция между регулируемыми ценами и свободными.

«Конъюнктурный институт» в Берлине приводит таблицу, характеризующую расхождение между «вольными» ценами и регулируемыми синдикатскими (в процентах к 1925 г.):

	«Вольные цены»	Синдикат. цены
Начало 1926 г.	91,8	98,8
» 1927 »	85,7	97,5
» 1928 »	93,5	97,9
» 1929 »	86,6	101,1

Если же регулирующим цены органом является государство, то оно в силу ряда причин вынуждено несколько снижать синдикатские цены. Такова например политика, которую проводит английское правительство в отношении электростанций. В случае превышения их дивидендов на 8 или 10% цены отпускаемой электроэнергии понижаются согласно определенной скользящей шкале. То же имеет место в газовых и водопроводных обществах, регулируемых государством.

Нельзя также смешивать воедино различные формы участия государства в различных предприятиях.

В Англии например можно наметить ряд форм этого участия. Почта, телеграф и телефоны принадлежат государству и целиком от него зависят. Сюда же относятся пути сообщения, доки и фабрики военного министерства, монетный двор, земельное имущество, издательства («Стасионери-Оффис») и ряд других мелких предприятий.

Другая форма — это участие государства в различных частных обществах. Так например английское правительство выступает как владелец меньшинства акций в знаменитой нефтяной компании «Англо-Першн». Английское правительство субсидирует отдельные отрасли промышленности, как например сахарную. Большую роль играют также местные самоуправления. В то время как в САСШ почти все предприятия общественного пользования находятся в частных руках, в Англии они все более и более захватываются муниципальным капиталом. Но это происходит отнюдь не мирным путем, а при серьезном сопротивлении частного капитала, особенно в области строительства. Характерно например, что один из вождей твердолобых, лорд Биркенхед, самым решительным образом выступает в защиту частного капитала и личной инициативы. Оговариваясь, что он понимает, что бывают моменты, когда государство должно вмешиваться в дела отдельных частных предприятий, он все же в основном считает, что конкуренция существует и будет продолжать существовать.

Несомненно, что одной из наиболее серьезных движущих сил роста госкапиталистических тенденций является подготовка буржуазии к новой **войне.** В Англии например мы наблюдаем специальный интерес английского правительства к финансированию производства аэропланов. В Польше госкапиталистическая тенденция особенно наглядно отражается в регулировании правительством отраслей

промышленности, имеющих непосредственное отношение к войне. В настоящее время польское правительство сосредоточило в своих руках все средства путей сообщения и связи, в том числе и линии воздушного сообщения, добычу каменных и калиевых солей, около 50% нефтепродукции, крупные предприятия (заводы «Скорбоферм») по добыче угля, цинка, свинца и серебра, все оружейные, пулеметные заводы, все снарядные заводы, все заводы пороховых и взрывчатых веществ, все авиационные заводы, все заводы противогазовых имуществ, бо́льшую часть заводов инженерно-саперного имущества и имущества связи, ряд металлических предприятий, все производства азота (завод «Хоржев», «Тарнополь», «Азот»), крупнейшие химические заводы, которые в случае войны могут быть переведены на военное производство, как например «Зеглембис», «Стрел», заводы акционерного общества «Химическая промышленность в Польше» и т. д.

Все это своеобразие отдельных проявлений госкапиталистических тенденций следует учитывать при анализе современного капитализма.

Переоценка конкретных госкапиталистических процессов и, что самое важное, неверное их теоретическое обобщение неизбежно ведут к оппортунистическому восприятию всей статики и динамики современного капитализма.

Социал-фашисты начали с излишнего энтузиазма по вопросам госкапитализма. По этому же оппортунистическому пути шествуют теперь и правые в Коминтерне во главе с т. Бухариным. Достаточно ознакомиться со статьями т. Бухарина: «Некоторые проблемы современного капитализма у теоретиков буржуазии» («Правда» 26 мая 1929 г.) и «Теория организованной бесхозяйственности» («Правда» 30 июля 1929 г.), в которых он излагает свою точку зрения на «организованный капитализм»,— чтобы убедиться в том, как далеко ушел т. Бухарин

в вопросах оценки современного капитализма по стезе Гильфердинга.

И что наиболее характерно: методология этого грехопадения удивительным образом совпадает у Бухарина с Гильфердингом. Свое путешествие на млечные реки и кисельные берега «организованного капитализма» т. Бухарин начинает с оценки госкапитализма, растущего, по его мнению, «на новом базисе». Анализируя современные госкапиталистические тенденции, т. Бухарин делит их на два исторических этапа: «первый тур» развития госкапиталистических тенденций т. Бухарин относит к эпохе империалистической войны, «второй тур» — развивается в «третий период» послевоенного капитализма. Формы и основное направление госкапиталистических тенденций в первом и втором туре по существу однородны и сводятся к **перерастанию сращенной с государством системы монополистических организаций в единый государственно-капиталистический трест, внутри которого «проблематика рынка» перестает играть решающую роль.** Отличие же «второго» тура от «первого» т. Бухарин видит в экономическом базисе, характеризующем обе эпохи. В период войны тенденция к госкапитализму со всеми его характерными отличиями развивалась на основе военного потребления. Теперь же это происходит уже на базе «нормального роста» капиталистической системы производства.

Излишний энтузиазм к несомненным фактам госкапиталистических процессов мешает т. Бухарину «смотреть в корень» и видеть подлинную причину происходящих явлений. Увлеченный стремлением во что бы то ни стало доказать уничтожение «проблематики рынка» и рост организующих моментов в современном капитализме, т. Бухарин не видит подлинных причин, вызвавших к жизни госкапиталистические организации во время войны и вызывающие ныне известные госкапиталистические тенденции.

Те труды, которые имеются по вопросу об экономике капиталистических государств периода войны, в частности по военной экономике Германии, показывают, что госкапиталистическая организация в эпоху войны была в первую очередь вызвана жесточайшей **конкуренцией** между трестами, отдельными предприятиями и даже целыми отраслями хозяйства внутри капиталистических государств. Господствующие группы буржуазии, заинтересованные в победе своей страны, должны были принять ряд мер к подчинению интересов отдельных буржуазных групп интересам всей национальной буржуазии в целом. Но самое характерное, что, несмотря на все решительные мероприятия в области планирования народного хозяйства, усилия даже такой организованной буржуазии, как германская, в значительной мере остались **бесплодными.** Все исследователи военного хозяйства Германии считают, что **«проблематика рынка» во время войны в Германии отнюдь не была уничтожена.** В Германии продолжал существовать во время войны подпольный рынок. Не была уничтожена конкуренция и между отдельными предприятиями и трестами. Изменились лишь формы этой конкуренции. Госкапитализм эпохи войны, несмотря на все драконовские меры, принимаемые господствующей буржуазией, далеко не походил на «организованный капитализм».

Тов. Бухарин слишком механистически подходит к анализу госкапитализма. Ленин указывал, что «государственно-монополистический капитализм есть полнейшая **материальная** подготовка социализма, есть **преддверие** его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет» (Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 209). Таким образом Ленин тщательно отделяет **материальную** сторону подготовки социализма от **социальной и политической** стороны. Ленин отлично видит, что «материальная подготовка социализма» отнюдь не уни-

чтожает анархии производства и всех конкретных противоречий капиталистического хозяйства. Тов. Бухарин в ряде своих произведений, и в частности в своих последних статьях, ставит вопрос следующим образом: «Что означает государственный капитализм с точки зрения конкуренции? Он означает замирание конкуренции внутри страны и величайшее обострение конкуренции между капиталистическими странами».

Еще меньше оснований имеет т. Бухарин для оценки **«второго»** тура госкапитализма как «организованного капитализма». На этих оценках т. Бухарина следует остановиться несколько подробней.

ОТМИРАНИЕ КОНКУРЕНЦИИ

Во главу угла всего химерного здания госкапиталистического «организованного хозяйства», возводимого в теоретических откровениях т. Бухарина, кладется явно оппортунистическая теория насчет того, что государственный капитализм означает замирание конкуренции **внутри** капиталистической страны.

Тов. Бухарин в своих статьях в «Правде» пытается доказать, что объективное развитие современного капиталистического хозяйства ведет ко все большей и большей его организации внутри отдельных стран, в то время как «анархическая природа капиталистического хозяйства переползает на основные линии международных хозяйственных отношений».

Происходит этот таинственный процесс благодаря тому, что в известной мере исчезает проблематика рынка, который сковывают монополистические организации капитала. Господствующей формой цены становится картельная цена, а следовательно «свободную» игру цен на рынке заменяет плановая калькуляция, регулируемая соответствующим трестовским и концерновским аппаратом.

Одним словом—без пяти минут социалистическое общество, мирное внутреннее бытие которого не омрачается ни конкуренцией, ни какими-либо другими противоречиями.

Единственное, что несколько омрачает безмятежное существование госкапиталистического эдема, — это... заботы об организационных проблемах, об «оптимальной» организации в масштабах, выходящих за предел частного хозяйства, о подборе психотехнически годных людей, кадров руководителей и т. д.

Конечно имеются и кое-какие противоречия. Это — в первую очередь **бюрократизация** хозяйственного строя.

Вот та характеристика экономических отношений в современном капиталистическом государстве, которая преподносится т. Бухариным на страницах «Правды» как свеженькое научное откровение. И во всей этой явно оппортунистической наукообразной вермишели теряются всякие «аллилуйные» заклинания об оголении классовых противоречий, об их обострении и угрозе капиталистическому строю.

Эти «оговорочные фразы» висят в воздухе и логически отнюдь не вытекают из смысла всей установки.

Не спасают и «теоретические» утешения авторами удрученного читателя насчет того, что замирание конкуренции **внутри** капиталистических стран компенсируется обострением противоречий в **мировом** масштабе.

То, что после войны и в особенности в «третьем периоде» мировые капиталистические противоречия возросли и воспроизвелись на расширенной основе, — азбучная истина. Лишь официальная социал-демократия пытается опровергать это положение ссылками на мифический «реальный» пацифизм. Но все же и они в своих апологетических увлечениях оценки монополистических тенденций капитализма, в своих пророчествах насчет ультраимпериализма не доходят до таких геркулесовых столбов простого

«внеуклонного» бессмыслия в оценке организации капитализма внутри отдельных стран, как некоторые теоретические Санчо-Панса правооппортунистических Дон-Кихотов.

ЛЕНИН ОБ «ОРГАНИЗОВАННОМ КАПИТАЛИЗМЕ»

Имеет ли теоретическая, с позволения сказать, установка правых в вопросе «организованного капитализма» что-либо общего с ленинизмом? Правые «теоретики», в частности тот же Людвиг, охотно цитируют Ленина насчет того, что

> «капитализм в его империалистической стадии вплотную подводит к самому всестороннему обобществлению производства».

Но они стыдливо проглатывают конец этой же фразы, где Ленин подчеркивает, что

> «производство становится общественным, но присвоение остается частным. Общественные средства производства остаются частной собственностью небольшого числа лиц. **Общие рамки формально признаваемой свободной конкуренции остаются, и гнет немногих монополистов над остальным населением становится во сто раз тяжелее, ощутительнее, невыносимее»** (Л е н и н, т. XIII, стр. 254). (Курсив наш. — *Дм. Б.*)

Таким образом Ленин отлично понимал, что каких бы размеров ни достиг процесс монополизации, нельзя говорить о замирании конкуренции, поскольку общественные средства производства остаются частной собственностью. И в этом отношении Ленин продолжает и развивает установку Энгельса о том, что

> «ни превращение в акционерные общества, ни перевод в государственную собственность не уничтожают капиталистического характера производительных сил» («Анти-Дюринг»).

Рост монополий, в том числе и госкапиталистических монополий, отнюдь не означает безболезненного процесса примирения всех прослоек и групп капитализма, наоборот:

> «старая борьба мелкого и крупного капитала возобновляется на новой, неизмеримо более высокой степени развития» (Ленин, т. XIII, стр. 269).

Тов. Бухарин поддается госкапиталистическим восторгам буржуазных экономистов и даже перегоняет их в этом отношении. Если например буржуазный экономист Лепих характеризует современный период как «организованную конкуренцию»; если Эккерт считает, что «распыленная конкуренция отдельных предприятий заменяется регулируемой конкуренцией организованных предприятий»; если Адольф Вебер считает картели организациями, «которые превращают разрушительную и потому нецелесообразную конкуренцию в конкуренцию регулируемую»,— то т. Бухарин почему-то считает необходимым «быть больше католиком, чем сам папа», и характеризовать государственный капитализм как **замирание конкуренции вообще.**

Подавленные величием буржуазной профессуры типа Шмалленбаха, Бенте, Зомбарта и др. правые относятся к их идеям значительно менее критически, чем даже социал-демократическая и буржуазная пресса.

В то время как идеи Шмалленбаха подверглись резкой критике на страницах буржуазных газет, как например «Франкфуртер Цейтунг», в советской прессе советские теоретики по существу солидаризируются со Шмалленбахом в основном вопросе: в возможности «организации капитализма».

«Франкфуртер Цейтунг» (5 июня 1928 г.) сравнительно резко для почтенной буржуазной газеты критикует Шмалленбаха»:

> «Связанное хозяйство, как его изображает Шмалленбах, является по существу хозяйством абсолютной внутренней монополии».

«Подлинное развитие не оправдывает однако шмалленбаховского прогноза. Возьмем **Америку.** Там антитрестовское законодательство далеко не так провалилось, как это полагает Шмалленбах, «Гери-Диннерс», на которых собираются представители некартелированных предприятий (для регулирования цен. — *Дм. Б.*), не так уж много; в общем Америка, несмотря на ряд обстоятельств, в значительной мере еще находится под властью конкуренций. Обратимся к **Германии.** Объединение крупных предприятий в отдельных отраслях хозяйства далеко не означает исключения конкуренций... Большинство отраслей «Фертигиндустри» не в состоянии объединиться в монопольные союзы ни в национальном, ни в интернациональном масштабе».

«Вообще нужно заявить, несмотря ни на что, что сила свободного рыночного хозяйства еще сегодня — и как раз именно сегодня — куда сильнее, чем тенденции связанного хозяйства, о которых нельзя судить лишь по углю и железу».

Со многим из того, что пишет «Франкфуртер Цейтунг», находящаяся во власти иллюзий свободного рынка, конечно нельзя согласиться. Но несомненно, что в основном ее критика Шмалленбаха правильна.

Ослепленные госкапиталистическим пафосом правые забывают о том, что монополия есть монополия капиталистическая,

«выросшая из капитализма и находящаяся в общей обстановке капитализма, товарного производства, конкуренции, в постоянном и безысходном противоречии с этой общей обстановкой» (Л е н и н, т. XIII, стр. 314).

Правые не понимают диалектики капиталистической монополии, ее противоречивости, с одной стороны, как прямой противоположности и свободной конкуренции, а

с другой,— как движущей силы, воспроизводящей эти противоречия на расширенной основе не только в международном, но и во внутригосударственном масштабе.

> «Монополия, вырастая из свободной конкуренции, не устраняет ее, а существует над нею и рядом с нею, порождая этим ряд особенно острых и крупных противоречий, трений, конфликтов» (Ленин, т. XIII, стр. 305).

Самой нелепой оппортунистической сказкой звучит утверждение о том, что капиталистические монополии, даже в их высшей форме — госкапитализме, — могут создать нечто вроде планово-регулируемого общества, в котором исчезают проблемы рынка, цен, конкуренций и остается некий капиталистический «госплан», капиталистический «оргraспред», подбирающий кадры, и капиталистическая «РКИ», борющаяся с бюрократизмом.

Тут опять демонстрируется то же непонимание диалектики процесса усиления монополистических тенденций в современном капиталистическом хозяйстве. Верно, что монополии создают подобие плановости в отдельных группах предприятий, в **отдельных** наконец отраслях промышленности. Но следует ли из этого, что монополии могут превратить все народное хозяйство отдельной страны в единый плановый организм?

> «Напротив, — писал Ленин, — монополия, создающаяся в **некоторых** отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, свойственную **всему** капиталистическому производству в целом; несоответствие в развитии земледелия и промышленности, характерное для капитализма вообще, становится еще больше» (Ленин, т. XIII, стр. 256).

Монополия отнюдь не устраняет ожесточеннейшей борьбы между картелированными предприятиями и так называемыми «дикими», не входящими в какой-либо концерн или трест, предприятиями.

Ведь совершенно очевидно, что как бы ни «развился» империализм, каких бы размеров ни достиг процесс монополизации капитала, он не может изменить природы капитализма.

В своей статье, посвященной проекту изменения программы, Ленин указывал, что

> «империализм на самом деле не перестраивает и **не может перестроить** капитализма снизу доверху. Империализм усложняет и обостряет противоречия капитализма, «спутывает» со свободой конкуренции монополии, но **устранить** обмена рынка, конкуренции, кризиса и т. д. империализм **не может** (Ленин, т. XIV, ч. 1).

Мы здесь нарочно приводим обильное количество цитат из Ленина для доказательства того, что не может быть двух мнений о том, как смотрел Ильич на проблемы «организации капитализма». Правые пытаются подчас проводить свои взгляды под покровом надерганных цитат из Ленина. В **этом** вопросе им это удастся меньше, чем в каком-либо ином. **Путь к Ленину** по вопросам «организованного капитализма» для них закрыт, и им остается взывать к авторитету Бенте и Шмалленбаха.

«КНИЖНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ» И «ПОЛЗУЧАЯ ЭМПИРИКА»

Дело отнюдь не только в авторитете Ленина. Достаточно лишь на минутку спуститься с теоретических эмпиреев на грешную землю, чтобы убедиться в том, что конкуренция продолжает существовать во всех капиталистических странах, что борьба внутри и между отдельными монополиями продолжается. На VIII съезде партии в полемике с т. Бухариным по вопросам партийной программы Ленин указывал, что немыслим монополистический капитализм без свободной конкуренции в целом ряде отраслей. Точку же зрения т. Бухарина Ленин ха-

рактеризовал как «книжное изложение финансового капитализма».

Последнее выступление т. Бухарина по вопросам «организованного капитализма» как раз блестяще демонстрирует такой «книжный подход» к важнейшим проблемам современного капитализма. Но «книги», откуда он черпает свое теоретическое вдохновение, — это отнюдь не Ленин и не Энгельс, а Гильфердинг, Зомбарт, Шмалленбах и др.

Если от «книжных рассуждений» обратиться к прозаической действительности, к так сказать «ползучей эмпирике», мы столкнемся с рядом неопровержимых фактов, разбивающих наголову все заумные построения певцов «организованного капитализма».

Достаточно обратиться к той бешеной борьбе, которая ведется как на **внутренних,** так и **внешних** рынках между отдельными монополистическими организациями, чтобы убедиться в полном абсурде возможности «организованного капитализма» не только по образу и подобию расширенного оригинала Гильфердинга, но и сокращенного пересказа т. Бухарина.

В свете этих фактов отмирание конкуренции, уничтожение проблематики рынков и прочие мнимые добродетели «организованного капитализма» превращаются в жалкое мифотворчество.

Поскольку существует неравномерное развитие капитализма, поскольку оно особенно усиливается в эпоху монополистического капитализма, разговоры о замирании конкуренции не имеют под собой никакой почвы. Ленин подчеркивал, что «равномерного развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности, стран при капитализме быть не может» (т. XIX, стр. 107). Неравномерное развитие капитализма в эпоху империализма определяет не только развитие монополистических тенденций, но и обострение капиталистических противоре-

чий, и это особенно можно ясно видеть на примерах борьбы отдельных монополистических предприятий на **внешних** рынках.

В своем оправдании реальности осуществления ультраимпериализма и «организованного капитализма» социал-демократы ссылаются на происходящее якобы сглаживание и даже полное отмирание международных противоречий как результат интернационального картелирования. В одной из своих последних брошюр Каутский пишет: «Мы уже вступили в период международных картелей и трестов, интернациональных организаций финансового капитала, которые воздействуют на внешнюю политику великих держав, совершенно независимо от того отпора колониальной политики, который исходит от социалистического пролетариата и который он развивал по возможности еще до войны».

На Брюссельском конгрессе II Интернационала, происходившем в августе 1928 г., в резолюции между прочим сказано: «Развитие монополистических организаций шагает через национальные границы; во все увеличивающейся степени развиваются международные картели и тресты... интернациональные картели и тресты показывают, что развиваются предпосылки **уничтожения анархии производства и перехода к планомерному руководству мировым хозяйством».**

Социал-демократы откровенно говорят о том, что картели позволяют планировать не только национальное, но и **мировое** хозяйство. Это означает: уничтожение кризисов как в национальном, так и интернациональном масштабе, отмирание всех причин, которые обусловливали империалистические войны, и неизбежное врастание в социализм. Так выглядит современное мировое хозяйство в кривом теоретическом зеркале социал-демократии. В действительности же оно выглядит совсем иначе.

Несомненно, что после войны и особенно в годы относительной стабилизации наблюдался рост международных монополистических организаций. Если взять только 1928 г., когда процессы международного картелирования развивались отнюдь не столь интенсивно, как в два предыдущих года, мы все же увидим значительное развитие монополистических объединений в самых разнообразных отраслях промышленности. В 1928 г. возникли новые монополии в производстве никеля, ртути, железа, жести, цинка, целлюлозы, линолеума, упаковочной бумаги, искусственного шелка и т. д. В 1928 г. был заключен ряд конвенций в области цен, контингентирования норм производства и т. д. между рядом крупных национальных промышленных организаций. Но в то же время внутри как новых, так уже и созданных раньше трестов происходила весьма **обостренная борьба.**

Внутри такого гиганта, как европейский стальной картель, в 1928 г. происходила ожесточенная борьба за так называемые «квоты» — доли участия в общем производстве. Превышение заранее обусловленной квоты Германией, Францией и Бельгией вызвало крупное разногласие внутри стального картеля.

Существование самого картеля не уничтожило однако конкуренций в области стальной промышленности. В июле 1928 г. американская стальная промышленность создала специальную экспортную организацию для борьбы с европейским стальным картелем. Такие же факты конкуренции в мировом масштабе можно наблюдать и в других отраслях промышленности.

Международный пробковый трест проявлял огромную энергию для захвата в свои руки контроля над всей мировой пробковой промышленностью. Он сумел достигнуть больших успехов на этом поприще (контроль над всей пробковой промышленностью Германии), но в своем продвижении столкнулся с мощным конкурентом в лице

американской интернациональной корковой корпорации не только на американском, но и на европейском рынке.

Довольно ярким примером невозможности серьезной монополии на мировом рынке является положение в каучуковой и нефтяной промышленности. После 6 лет действия схемы Стивенсона (попытка английских плантаторов регулировать мировое производство каучука) борьба на мировом каучуковом рынке возобновилась с небывалой остротой. Притчей во языцех является борьба на нефтяном рынке, несмотря на существование или вернее именно благодаря существованию мощных нефтяных монополистических гигантов.

Таким образом указанные факты, к которым можно прибавить еще ряд столь же ярких данных, прекрасно иллюстрируют мысль Ильича о том, что «при капитализме невозможна иная основа, иной принцип дележа, кроме силы...» Этот принцип дележа сузившегося после войны мирового рынка проявляется как в отношениях между отдельными монополистическими организациями, так и внутри существующих картелей и трестов. Внутри самих картелей происходит подчас борьба еще более острая, чем между картелями и «аутсайдерами» или между конкурирующими трестами. Как мы уже указывали выше, эта борьба происходит за новые квоты, за передел уже поделенной продукции, за рынки и т. д. Эта борьба за квоты достигает таких размеров, что отражается на целостности самих картелей. Так например в международном **проволочном** объединении борьба за квоты обострилась настолько, что бельгийские и французские участники вышли из картеля. Картель **обручного железа** распался после года существования.

Международное картелирование может лишь отчасти смягчить остроту тех противоречий, которые существуют в мировом капиталистическом хозяйстве после войны, но

уничтожить их оно не в силах. «Устранение кризисов картелями есть сказка буржуазных экономистов, **прикрашивающих** капитализм во что бы то ни стало» (Ленин).

Уже одни приведенные нами здесь факты характеризуют не только борьбу на **внешних** рынках, которую не отрицает и т. Бухарин, но apriori (заранее) вселяют сомнение в возможность при **этих** условиях на внешних рынках отмирания конкуренции на **внутренних** рынках.

Ведь было бы простым логическим абсурдом, если бы какой-нибудь американский трест, открывая свои тракторные заводы во Франции для конкуренции в Европе с автомобильными заводами тоже американских фирм — Форда в Англии или «Дженераль-Моторс» в Германии, — мирно уживался бы у себя внутри страны со своими конкурентами.

И опять те же «проклятые факты», взятые хотя бы из опыта САСШ — страны особенного пышного расцвета монополистических тенденций,— разбивают бухаринские фантасмагории отмирания конкуренции на внутренних рынках.

Неравномерное развитие капитализма, обусловливающее борьбу на внешних рынках, действует с такой же силой и на внутренних рынках, отражаясь на различной степени монополизации в отдельных отраслях хозяйства данной страны. Естественно, что неравномерный охват монополистическими организациями отдельных отраслей промышленности вызывает между ними конкурентную борьбу за перераспределение всей массы прибыли.

Происходит серьезная борьба между отдельными отраслями промышленности особенно там, где она является потребительницей продукции другой. Примером такой борьбы может служить столкновение автомобильных фабрикантов с производителями каучука или нажим на стальную промышленность со стороны ее потребителей — авто-

мобильных фабрикантов. И в качестве основного довода обычно выдвигается обвинение потребляющей данный товар отрасли промышленности другой в слишком крупных прибылях.

Не менее характерна борьба, которая ведется на внутренних рынках между так называемыми «старыми» и «новыми» отраслями промышленности или отраслями, могущими друг друга заменить. В Америке например в течение долгого времени искусственный шелк вытеснял хлопчатобумажные ткани. Благодаря ряду комбинаций производителям мерсеризованной хлопчатобумажной ткани удалось побить искусственный шелк, вытесняя последний из производства вязаных изделий.

Характерна например борьба в транспортном деле, где наблюдается довольно ожесточенная конкуренция между «старыми» — железными дорогами, новыми — автомобилями и новейшими — аэропланами. Распространение автомобильного транспорта и рост авиасообщения довольно болезненно ощущаются железнодорожными компаниями.

В американской прессе можно найти немало сообщений, характеризующих борьбу между отдельными отраслями промышленности. Так например сравнительно недавно сообщалось, что в одном из городов в штате Виргиния нужно было построить два новых моста. Из полученных предложений выяснилось, что бетонный мост стоил бы значительно дороже стального. После долгой борьбы между стальными и бетонными предпринимателями последние победили, развив агитацию за эстетическое преимущество бетонного моста.

Мы уже не говорим о борьбе между монополизированными отраслями промышленности и так называемыми «аутсайдерами» (предприятиями, не входящими в монополистические объединения). Эти формы борьбы более или менее известны, ибо они развивались на протяжении

всего периода монополистического капитализма. В последнее время эта конкуренция особенно обостряется между картелированной промышленностью и сельским хозяйством. Рост монополии в промышленности обостряет разрыв цен между промышленными и сельскохозяйственными товарами. «Ножницы», существующие в САСШ между ценами на промышленные продукты и сельскохозяйственные, являются одной из форм конкурентной борьбы на внутреннем рынке, абстрагироваться от которых пытаются певцы «организованного капитализма».

Серьезной формой конкуренции на внутреннем рынке является борьба между картелированной промышленностью и объединенным потребителем. В последние годы мы можем наблюдать рост различных объединений в торговле. Крупнооптовые торговые объединения ведут ожесточенную борьбу, с одной стороны, с трестифицированной промышленностью, а с другой стороны, — с мелкорозничными торговыми фирмами. Последние в свою очередь объединяются для борьбы с крупными оптовиками. Борьба за квоту, о которой мы писали выше в применении к интернациональным монополистическим объединениям, в равной мере относится и к картелям национального масштаба. На внутреннем рынке идет борьба не только между картелями, но и внутри картелей и трестов, и ни о каком отмирании конкуренции не может быть и речи.

Возьмем хотя бы даже такой серьезный для картелей вопрос, как ценообразование. Несмотря на силу картелей и значение капиталистической монополии на внутреннем рынке, они не в силах воздействовать на конъюнктурное снижение цен. Конкуренция между отдельными отраслями внутри страны, покупательная способность внутреннего рынка, общий индекс цен, определяющий и издержки производства той или иной картелированной отрасли, денежный рынок и т. д., — все эти элементы определяют значение свободного рыночного ценообразо-

вания. Если к этому еще прибавить колебание цен на мировом рынке, определяющее, естественно, и ценообразование на внутреннем рынке, то станет совершенно очевидной «книжность» рассуждений об отмирании конкуренции и свободного ценообразования в масштабе национального хозяйства.

Ряд фактов показывает полную необоснованность утверждения о замене рыночного ценообразования организованной калькуляцией картелей, логически вытекающей из всей теории «организованного капитализма», регулирующего не только производство, но и цены помимо рынка.

Несомненно, что проблема рыночного ценообразования является существенным элементом теории «отмирания конкуренции». Эта теория в значительной мере строится на утверждении буржуазных экономистов о неограниченной возможности в области регулирования цен, якобы существующей у картелей и трестов. Фактически же эти утверждения буржуазных экономистов, столь легковерно воспринимаемые певцами «организованного капитализма», относятся к области прочих легенд, которыми так изобилует эта «теория». Тов. Лоуф-Бохен в своем выступлении в Комакадемии по вопросам «организованного капитализма» привел ряд данных, показывающих, что концентрация производства того или иного товара отнюдь не означает для трестов возможности серьезной стабилизации цен. Так например контроль над производством меди почти целиком находится в американских руках. Между тем в текущем году цены на медь проделывали довольно резкие прыжки. Цена на медь то подымалась до 24 цент. за фунт, то опускалась до 16 цент. за фунт в сравнении с 11—12 цент. в прошлые годы.

Такие же скачки можно было наблюдать на рынке консервного мяса, производство которого тоже трестифицировано.

В области своих рассуждений об отмирании конкуренции, прекращения свободного ценообразования и т. д. теоретические оруженосцы правого оппортунизма никакого пороха не изобретают. Развернутую картину такого «идеального» положения на внутреннем рынке дал еще Гильфердинг в своей явно неверной теории «всеобщего картеля».

> «Здесь все капиталистическое производство, — писал Гильфердинг в «Финансовом капитале», — сознательно регулировалось бы из одной инстанции, которая определяет размер производства во всех его сферах. Тогда установление цен становится чисто номинальным и фактически равносильно уже просто распределению всего продукта, с одной стороны, между картельными магнатами, а с другой стороны, между другими членами общества. Цена является тогда не результатом вещных отношений, которые устанавливаются между людьми, а просто своего рода расчетным вспомогательным приемом при передаче вещей от одних лиц к другим».

Естественно, что в таких условиях не только не нужен рынок, но и отпадает необходимость в деньгах. Тов. Бухарин в своей критике «теории накопления» Розы Люксембург предостерегал от ошибок школы Рикардо, а затем и Сэя, недооценивавших роли денег.

> «Отсюда,— писал Н. И. Бухарин,— ряд грубейших ошибок, отсюда отрицание капиталистических противоречий, а затем и прямая апология капиталистического режима, апология, которая хочет «научно отбрыкаться» (wegräsonnieren)—как выражается Маркс— от кризисов перепроизводства, нищеты масс и т. д.»[1].

«Отбрыкнувшись» от денег, неизбежно приходится «отбрыкиваться» и от категории товаров. Из этого неизбежно

---

[1] «Империализм и накопление капитала», Гиз 1925 г., стр. 11.

вытекает исчезновение категорий, анархического распределения производительных сил, а следовательно и анархического распределения рабочей силы. «Снимаются» все законы капиталистического хозяйства, воцаряется всеобщая организация или, по выражению американского экономиста Шумпетера, «автоматизированный капитализм».

Такова железная логика теоретического грехопадения пастырей «организованного капитализма».

И невольно вспоминается:
Поменьше пастырей таких —
Полублагих, полуслепых.

В ПЛЕНУ ДРЕВНИХ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ПАНАЦЕЙ

Опьяненные положительными моментами госкапитализма, правые старательно обходят вопросы противоречивые, в частности такой вопрос, как **монополистическое загнивание.** Монополистическое загнивание сводится в их анализе процессов современного капиталистического хозяйства к **бюрократизму.** Тов. Бухарин подробно смакует описание бюрократизма, даваемое буржуазными экономистами; он преподносит эти описания советскому читателю в таком количестве и такой форме, чтобы вызвать повидимому у читателя размышление о том, а есть ли разница между социалистическим и капиталистическим бюрократизмом.

Неверно однако выпячивать на передний план проблему бюрократического загнивания и подменять им характерную для империализма тенденцию экономического загнивания. Тов. Бухарин пытается уверить читателя, что основная проблема современного капитализма — это проблема организации, проблема борьбы с бюрократизмом, от разрешения которой якобы зависят судьбы капиталистического хозяйства. Это чепуха. Самая распрекрасная организация не может спасти капиталисти-

ческое хозяйство от дальнейшего загнивания, от закономерной тенденции экономического и технического застоя. Это отлично понимают и сами капиталисты, по крайней мере наиболее умные из них.

У американских профессоров в последнее время замечается усиленная тяга к «плановости». На конференции известного Тейлоровского общества либеральный профессор Брум делал доклад о «необходимости планирования процветания» (цитируем по книге Модеста Рубинштейна «Противоречия американского капитализма»). Видный профессор Пенсильванского университета считает единственным выходом из тупика растущей безработицы создание национального планового комитета. На это ему возражает побывавший в СССР профессор Колумбийского университета Тогвелл, что, мол, плановую систему нужно изучать не на конференциях нью-йоркских и филадельфийских инженеров и экономистов, а в московском Госплане, где она действительно проводится в жизнь. Но и это не поможет, так как конкурентная система не может быть примирима с плановой.

Главный экономист одного из крупнейших предприятий объединения — «Нейшепел индестрел конференс борд» — довольно остроумно отметил, что —

> «американское хозяйство все более и более начинает походить на хронически больного нервного инвалида, измеряющего каждый час свою температуру и пульс и каждую неделю — свой вес, бегущего от одного статистического психоанализатора или экономического знахаря к другому, каждый день ожидающего нового чуда или катастрофы. Это особенно верно в настоящее время, когда мы проходим период исключительной неясности и отсутствия веры в хозяйственное будущее».

В то время как буржуазные экономисты разочаровываются в организационных панацеях, наши «теоретики»

оказываются в плену этих организационных восторгов.

Но все это на деле выглядит далеко не так, как это мерещится нашим «теоретикам».

> **«Найти твердые принципы и конкретную цель» для «примирения монополии со свободной конкуренцией разумеется дело безнадежное. Признание практиков звучит совсем не так, как казенное воспевание прелестей «организованного капитализма» его апологетами вроде Шульце-Геверница, Лифмана и тому подобными теоретиками»** (Ленин, т. XIII, стр. 270).

ЛЕВАЯ, ПРАВАЯ... ГДЕ СТОРОНА?

Весь строй идей, вдохновляющий теоретических оруженосцев правого оппортунизма на защиту «организованного капитализма», является в значительной мере развитием старых ошибочных взглядов т. Бухарина еще периода «левого коммунизма». По существу генеалогическое древо сегодняшней оппортунистической позиции т. Бухарина своими корнями упирается в его старые, еще дореволюционные разногласия с Лениным по вопросам империализма. Эти разногласия особенно четко наметились в первые годы войны. В дискуссиях, которые происходили в эпоху империалистической войны и затем позже в 1919 г. во время обсуждения проекта партийной программы, разногласия, наметившиеся между Лениным и Бухариным, сводились к вопросу о так называемом **«чистом империализме»**.

Группа товарищей во главе с Бухариным переоценивала те элементы организованности, которые существуют в империалистической фазе капитализма. Они отмахивались от тех остатков старого промышленного капитализма, которые продолжают действовать и в эпоху империализма. Уже тогда т. Бухарин энергично выдвигал

вопрос об отмирании конкуренции в эпоху монополистического капитализма. В статье «К теории империалистического государства», написанной в 1915 г., т. Бухарин писал:

> «Отдельный капиталист, исчезает, он превращается в Verband kapitalisten — члена организации. Он уже не конкурирует со своими «земляками». Он кооперирует с ними, ибо центр тяжести конкурентной борьбы переносится на мировой рынок, а внутри страны конкуренция замирает».

В 1917 г. т. Бухарин в статье «Война и революционный социализм», помещенной в № 1 московского журнала «Спартак», ставит проблему конкуренции в эпоху империализма в тонах, немногим отличающихся от его современных статей. Тов. Бухарин там писал:

> «В нашу эпоху конкуренция между капиталистами значительно изменила свой вид. Для передовых капиталистических стран она всецело перенеслась в область внешней конкуренции, т. е. конкуренции с иностранными капиталистами на мировом рынке».

И дальше в следующих своих статьях в «Спартаке» Бухарин логически развивает свою мысль уже в отношении внутреннего состояния отдельных народных хозяйств. В статье «Государственный капитализм и социалистическая революция» («Спартак» № 2) т. Бухарин пишет:

> «Экономическое достояние каждой страны превращается все более и более в коллективную (общую) собственность немногочисленного класса крупных капиталистов. Прежний раздробленный и **неорганизованный капитализм заменяется капитализмом организованным»** (Курсив наш. — *Дм. Б.).*

Таким образом уже в 1917 г. у т. Бухарина создалась своя оценка мирового хозяйства. Эту свою точку зрения т. Бухарин продолжал развивать и в последующие годы в устных и письменных выступлениях.

В «Коммунисте» (органе «левых коммунистов») от 16 мая 1918 г. была помещена статья т. Бухарина **«Некоторые основные понятия современной экономики»,** направленная непосредственно против Ленина и его понимания государственного капитализма.

В этой статье т. Бухарин пишет:

> «Что такое государственный капитализм? Если рассматривать дело с точки зрения **производственно-технической,** то здесь мы имеем государственно-урегулированное производство, уничтожение производственной анархии, уничтожение вольного рынка, «учет и контроль» со стороны государственных органов.
>
> «Тут мы находим организацию производства и соответствующую организацию распределения. Не только общие условия производственного процесса, но и детали технического распорядка продуманно вставлены в рамки общего организационного плана».

И дальше т. Бухарин пишет:

> «Наконец, если рассматривать дело с точки зрения **отношения между странами**, то государственный капитализм означает обострение капиталистической конкуренции, хозяйственную подготовку к следующим грабительским войнам («милитаризация хозяйства»), гигантский скачок вверх протекционизма, милитаризма и маринизма, рост военной опасности».

Тов. Бухарин посвящает в указанной статье немало места доказательству того, что госкапитализм является «потенцированной властью буржуазии» и что это скорее рабовладельческое хозяйство, чем социализм». Но все же разницу между социалистической системой и госкапитализмом т. Бухарин видит **лишь** в том, какой класс стоит у власти.

> «Государственное регулирование, — пишет там же т. Бухарин, — может принимать две **противополож-**

ные по своему смыслу и социальному значению формы: социализма и государственного капитализма, и это разное значение зависит целиком от того, **какой класс** стоит у власти».

Никто не станет оспаривать огромного значения, которое играет наличие у власти того или иного класса. Но абсолютно неверно предполагать, что в анархии капиталистического хозяйства возможно такое же, хотя бы и «производственно-техническое», регулирование, как в социалистическом хозяйстве.

Еще Маркс в одном из своих писем писал Анненкову:

«В современной экономической жизни вы найдете не только конкуренцию и монополию, но также и их синтез, являющийся не **формулой, а движением.** Монополия рождает конкуренцию, конкуренция рождает монополию. И однако это уравнение, не устраняя затруднений современного положения, как то полагают буржуазные экономисты, создает в результате еще более трудное и еще более запутанное положение. Таким образом, изменяя основу, на которой покоятся современные экономические отношения, уничтожая современный **способ производства,** вы уничтожаете не только конкуренцию, монополию и их противоречие, но также и их единство, их синтез, их движение, которые практически уравновешивают конкуренцию и монополию».

Неверная установка т. Бухарина, намеченная в статье в «Коммунисте», была продолжена и развита в его книге «Экономика переходного периода».

Как известно, в этой книге т. Бухарин, анализируя «современный (1918/19 г. — *Дм. Б.*) мировой капитализм», писал, что —

«**Товарное** хозяйство здесь вовсе не исчезает окончательно, хотя внутри страны оно либо отмирает, либо значительно сокращается, заменяясь **организо-**

ванным распределением (выделено мною. — *Дм. Б..)* Товарный рынок становится лишь действительно мировым, переставая быть «национальным» [1].

Кое-что «предусмотрел» тогда т. Бухарин и в части отмирания конкуренции.

В своей работе «Экономика переходного периода» т. Бухарин писал:

> «Централизация капитала поедает конкуренцию, но, с другой стороны, она непрерывно воспроизводит эту конкуренцию на расширенной основе. Она уничтожает анархию мелких производственных единиц, но она обостряет затем анархические отношения между крупными производственными телами. «Трения» в общей хозяйственной системе исчезают в одном месте только для того, чтоб еще в больших размерах появиться в другом: они превращаются в трения между основными частями громадного **мирового** механизма» (стр. 16).

Ленин энергично боролся с теорией чистого империализма Бухарина, определившей в будущем его оппортунистическое мировоззрение в вопросах современного мирового хозяйства. В своем докладе на VIII съезде партии Ленин, полемизируя с Бухариным, указывал:

> «Чистый империализм без основной базы капитализма никогда не существовал, никогда не существует и никогда существовать не будет. Это есть неверное обобщение всего того, что говорилось о синдикатах, картелях, трестах, финансовом капитализме, когда изображали финансовый капитализм так, как будто никаких основ старого капитализма под ними нет».

---

[1] Н. Бухарин, Экономика переходного периода, часть 1, общая теория трансформационного процесса, Москва 1922 г., стр. 14.

В Институте Ленина хранится экземпляр «Экономики переходного периода» с пометками Владимира Ильича на полях и в конце книги. На стр. 10 этой книги, где у Бухарина сказано, что «финансовый капитал уничтожил анархию производства внутри крупнокапиталистических стран», Ленин подчеркивает слово «уничтожил» и пишет сбоку «не уничтожил».

Таким образом на протяжении ряда лет у т. Бухарина сложилась своя, отличная от ленинской, но весьма приближающаяся к гильфердинговской, теория. Взгляды, которые — ныне один из лидеров **правых** — т. Бухарин развивает в своих последних статьях в «Правде», являются непосредственно логическим продолжением его старых **«левых»** ошибок. Во всех произведениях т. Бухарина, начиная чуть ли не с 1915 г., разбросаны отдельные элементы единой концепции «организованного капитализма», наиболее полно оформившиеся в последних статьях. Даже сам термин «организованный капитализм» появился, как мы видели выше, у т. Бухарина в 1917 г. В этом отношении он несомненно предвосхитил социал-демократов. И позже в 1919 г., когда еще тоже не было в употреблении термина «организованный капитализм», т. Бухарин в «Экономике переходного периода» писал об «организованном распределении». Этот термин, относящийся отнюдь не к специфически военному времени, немногим отличается по существу от термина «организованного капитализма», ибо совершенно очевидно, что в капиталистическом хозяйстве немыслимо организованное общественное распределение продукта при анархическом товарном производстве.

Все эти теоретические ошибки Бухарина не представляли собою в те годы, когда с ними боролся Ленин, такой опасности, какую они представляют сейчас, в период развернутой борьбы с правым оппортунизмом. Сейчас теория Бухарина об «организованном капитализме» ста-

новится основной заповедью в политическом евангелии всех тех, кто пытается под знаменем правого оппортунизма ревизовать ленинскую линию Коминтерна.

ТЕОРИЯ «ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ»

Правильная оценка монополистических процессов, развивающихся в современном капитализме, имеет отнюдь не академический интерес. Это — кардинальнейший вопрос, определяющий наши революционные перспективы.

Было бы совершенно неправильным отрицать огромное экономическое и социальное значение монополистических процессов, развивающихся в современном капиталистическом обществе. Никогда не следует забывать о том, что «по своей экономической сущности империализм есть монополистический капитализм» (Ленин). Реальные монополистические процессы в экономике империализма определяют и ряд социальных моментов. Структура рабочего класса, формы и методы его борьбы в эпоху монополистического капитализма естественно отличаются от эпохи промышленного капитализма. Недооценивать огромное значение этих монополистических процессов было бы очень опасным. Но еще более опасной, чем **недооценка** монополистических тенденций, в настоящее время является **переоценка** этих тенденций. Если бы Коминтерн стал на точку зрения казенных певцов «организованного капитализма», ему логически пришлось бы если не совсем отказаться от ориентации на революционные потрясения **внутри** капиталистических стран, то во всяком случае ревизовать свою установку в этом вопросе.

Отсутствие внутренней конкуренции, плановая организованность отдельных капиталистических национальных хозяйств, отмирание проблемы рынка, цен, конкуренции, кризисов, переползание анархической природы на основные линии международно-хозяйственных отноше-

ний означают по существу отмирание всех внутренних противоречий капитализма.

Апологеты этих к счастью мифических процессов, ничтоже сумняшеся, ставят точку над «и» в проблеме всех проблем — в **социальном вопросе.**

«Проблема классовой борьбы, — поучает т. Бухарин, — становится проблемой, в величайшей степени связанной с положением той или другой капиталистической страны на мировом рынке». Заграничные друзья наших «организованных» теоретиков переводят все эти ученые рассуждения на простой политический язык.

В своей декларации, поданной Центральному комитету итальянской компартии, Сэрра подчеркивает укрепление буржуазии в **национальном** масштабе, и тут же Сэрра добавляет: «Но это укрепление национальной буржуазии создает еще бóльшую борьбу за гегемонию в международном масштабе». Отсюда Сэрра делает, как мы увидим в следующей главе, соответствующие выводы о нереволюционном характере современных экономических боев пролетариата.

Вся эта постановка вопроса механического отделения **внутренних** противоречий капитализма от **внешних** насквозь схоластична. Она ничего общего не имеет ни с диалектикой по **методу,** ни с ленинизмом **по существу.** Эту схоластическую «методологию» неплохо использовали заокеанские друзья наших «теоретиков», создав в американской компартии оппортунистическую теорию «исключительности».

Эта теория, исповедуемая обеими фракциями в американской компартии, упиралась в основном в непонимание теснейшей взаимозависимости между всеобщим кризисом капитализма и судьбами американской экономики.

Ошибка, как указывалось в открытом письме ИККИ (1 февраля 1929 г.) американской компартии, заключается в «неправильном понимании характера связи аме-

риканской экономики с мировой и в недооценке все большего втягивания американского империализма в быстро обостряющийся общий кризис капитализма».

Ошибкой обеих фракций явилась тенденция рассматривать судьбы американского империализма изолированно от судеб мирового капитализма. А отсюда вытекала неправильная оценка роли американского капитала в стабилизации Европы, недооценка процессов полевения рабочего класса. Большинство ЦК американской компартии считало, что «американский империализм приближается к своим викторианским временам», сиречь — к ранним этапам развития капитализма, к его расцвету.

Оптимизм большинства руководства американской компартии в этом вопросе отнюдь не уступал, но даже оставлял позади оптимизм буржуазных экономистов. В результате в руководстве американской компартии расцвели правые ошибки, нашедшие яркое выражение у Пеппера и Ловстона в виде следующей теории:

> «Кризис капитализма, — но не американского; полевение рабочих масс, — но не в Америке; необходимо заострение борьбы против реформизма, — но не в Соединенных штатах; необходима борьба с правой опасностью, — но не в американской компартии» (из открытого письма ИККИ от 14 мая 1929 г.).

Ловстон — один из бывших руководителей американской компартии,— вернувшись с VI конгресса Коминтерна, повидимому проникся особой любовью к тем ошибочным теориям о полном перенесении центра тяжести современных капиталистических противоречий на внешние, которые кое-кто пытался протащить на VI конгрессе. Эта теория оказалась Ловстону, Пепперу и иже с ними по душе, ибо она оправдывала их оппортунистическую практику в американской компартии.

Исполком Коминтерна, разбирая американский вопрос, вынужден был преподать американской компартии

урок ленинской оценки современного империализма. В своих письмах он жестоко раскритиковал теорию «исключительности», рождавшую основные ошибки руководства американской компартии.

Эпоха империализма характерна тем, что мировое хозяйство оказывает значительное влияние на судьбы отдельных национальных капиталистических хозяйств. Только Советский Союз, отличный по своей экономической и социальной системе от системы капиталистического сектора мирового хозяйства, представляющий собой исторически более прогрессивную в сравнении с капитализмом систему, постепенно освобождается от влияния мирового хозяйства, развивая свой социалистический сектор. Но совершенно очевидно, что ни о какой **автаркии** (независимом хозяйственном развитии) отдельных капиталистических стран в эпоху империализма не может быть и речи. И естественно поэтому, что теоретически неверно представление о том, что в раздираемом противоречиями мировом хозяйстве могут существовать отдельные «организованные» капиталистические оазисы.

Противоречия мирового хозяйства неизбежно отзываются и **внутри** отдельных национальных хозяйств. Поскольку существуют противоречия в мировом хозяйстве, неизбежны противоречия в отдельных национальных хозяйствах, являющихся органической частью мирового капиталистического хозяйства. Какой бы степени концентрации ни достигли хозяйства в отдельных капиталистических странах, все же картелям и трестам пришлось бы считаться не только с конкуренцией внутренних «аутсайдеров» (предприятий, не входящих в тресты), но и заграничных. А это в свою очередь снова отражалось бы на внутренних противоречиях.

Так же как теория Ловстона и Пеппера об исключительных путях развития американского империализма,

вне зависимости от динамических процессов в мировом капиталистическом хозяйстве, явилась одной из теоретических предпосылок их оппортунистической практики, так и теория замены конкуренции внутри отдельных капиталистических стран «организованным капитализмом», несмотря на обострение противоречий в мировом масштабе, является теоретическим оправданием всей практики правого оппортунизма.

ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

Эту глубокую органическую связь не трудно обнаружить, если из области **экономических** анализов логически перенестись в область анализа **социальных** отношений, даваемых нашими «теоретиками». Сторонники «организованного капитализма» уверяют, что проблема классовой борьбы является проблемой, связанной с положением той или иной капиталистической страны на мировом рынке.

Никто конечно не станет оспаривать, что проблемы плана Дауэса и Юнга в значительной степени влияют на экономические процессы, развивающиеся в Германии, а следовательно невольно отражаются и на внутренних классовых отношениях. Но жесточайшей ошибкой является сведение корней социальных противоречий **лишь** к положению той или иной страны на мировом рынке.

В одной из своих статей во время дискуссии Ловстон писал следующее:

> «Какова связь между внутренними и внешними противоречиями? Ясно, что при современном мировом положении примат — центр тяжести — лежит в мировых противоречиях капитализма, например в САСШ. Почему они нападают на рабочих? Это является частью подготовки войны».

Так анализировать проблему классовой борьбы в Америке — значит ставить вещи наголову. Из этого «ана-

лиза» логически вытекает, что не внешняя политика есть продолжение внутренней, а наоборот — внутренние противоречия определяются внешней политикой.

В самом же деле проблема классовой борьбы в каждой отдельной стране определяется не только совокупностью мировых экономических и социальных отношений, но и связана теснейшим образом с экономическими и политическими процессами внутри каждой страны, с развивающимися капиталистическими противоречиями и их отражением на социальных отношениях внутри отдельных национальных хозяйств.

Наши горе-«теоретики» уверяют, что буржуазия в национальном масштабе окрепла, что внутри стран конкуренция замирает, что внутренние противоречия блистательно отсутствуют и их заменяет «организованный» капитализм.

Игнорируя процессы внутренних противоречий, наши «теоретики» переползают на основные линии международно-хозяйственных отношений и связывают все проблемы лишь с интернациональными противоречиями капитализма. Они обрекают таким образом рабочий класс всех стран на своеобразный исторический фатализм безучастного выжидания этого «благословенного» момента, когда потенциальные мировые противоречия капитализма перейдут в динамику. А отсюда вытекает и другая теория, которую те же авторы пытались протащить на VI конгрессе Коминтерна,—**что новая революция возможна лишь в результате новой империалистической войны.** Эту глупость, которую нам усиленно пытаются «пришить» меньшевики, т. Бухарин делает чуть ли не венцом своего идейного мироздания. В своей статье в «Правде» он пытается доказать хронологическими ссылками, что «со всемирно-исторической точки зрения войны и революции связаны друг с другом» и что это «положение особенно правильно для эпохи империализма».

Было бы ошибочным конечно преуменьшать сейчас значение и остроту мировых капиталистических противоречий, ставящих на порядок дня проблему второго тура империалистических войн. С теорией недооценки опасности новых империалистических войн и в частности войны против СССР, исповедываемой как правыми, так и «левыми» врагами Коминтерна, надо вести самую энергичную борьбу, но в то же время было бы совершенно ошибочным категорически заявлять, что до того как вспыхнет империалистическая война невозможны никакие революционные потрясения и революции в одной или нескольких странах. Такая теория означала бы признание невозможности для рабочего класса прорыва капиталистического фронта без войны. Здесь под видом внешне революционной теории по существу протаскивается самый безнадежный фатализм и фактическое разоружение рабочего класса. Ленин никогда не ставил вопрос о том, что революция может быть лишь в результате войны; наоборот, в своих тезисах «Социалистическая революция и право нации на самоопределение» Ленин писал:

> «Социалистическая революция может разгореться не только из-за крупной стачки или уличной демонстрации, или голодного бунта, или военного восстания, или колониального мятежа, но и из-за любого политического кризиса вроде дела Дрейфуса, или Цабернского инцидента, или в связи с референдумом по вопросу об отделении угнетенных наций и т. п.» (т. XIX, стр. 170).

В ряде других своих произведений Ленин с еще большей решительностью подчеркивал, что революция может произойти в результате самых разнообразных причин вплоть даже до парламентского кризиса.

Для правых, упоенных «организованным капитализмом», перспектива революции логически вытекает **лишь** из новой войны. Для Коминтерна же проблема револю-

ции отнюдь не снята с порядка дня, не положена в долгий ящик. Для революционного пролетариата одним из средств предотвращения новой империалистической войны и является революция, под знаменами подготовки которой проходили антивоенные демонстрации 1 августа.

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗОРУЖЕНИЕ ПРОЛЕТАРИАТА

Но т. Бухарин не ограничивается только всемирно-историческими справками. Он пытается подвести более глубокий теоретический базис под свои явно неверные положения. Он аргументирует невозможность революции в отдельной стране еще и тем, что «на базе эксплоатации колоний создается **известная относительная общность интересов между буржуазией и пролетариатом,** которая означает величайший **тормоз** революции — огромную консервативную силу. Эту консервативную силу можно сломать в значительной мере именно войной, наглядно показывающей действительную цену империализма».

Таким образом вся теоретическая концепция доведена до своего логического конца: с одной стороны, полная организованность капиталистического общества, с другой стороны, общность интересов буржуазии и пролетариата. Естественно, что в таких объективных условиях ни о какой революции не может быть и речи. Единственным средством остается только «спасительная» империалистическая война.

В своем увлечении теорией неизбежной связи войны с революцией оруженосцы правого оппортунизма сознательно смазывают вопрос о том, что далеко не **весь** пролетариат, а лишь ничтожная кучка его подкупается за счет колониальных сверхприбылей буржуазии. Они сознательно умалчивают о том, что в эпоху величайшего кризиса резерв подкупа буржуазией даже отдельных слоев

пролетариата становится все ограниченнее. В программе Коминтерна четко сказано:

«Буржуазия империалистических держав, получая дополнительную сверхприбыль как в силу своей позиции на мировом рынке вообще (более развитая техника, экспорт капитала в страны с более высокой нормой прибыли и т. д.), так и от грабежа колоний и полуколоний, за счет этих сверхприбылей повышала заработную плату части «своих» рабочих, заинтересовывая их таким образом в деле развития «отечественного» капитализма, в деле колониального грабежа и в преданности империалистическому государству. Этот систематический подкуп практиковался и практикуется особенно широко в сильнейших империалистических странах, находя свое наиболее яркое выражение в идеологии и практике рабочей аристократии и бюрократических слоев рабочего класса — руководящих кадров социал-демократии и профсоюзов, которые оказались прямыми проводниками буржуазного влияния на пролетариат и лучшей опорой капиталистического строя».

«Но, вызвав к жизни рост подкупной верхушки рабочего класса, империализм в конце концов разрушает ее влияние на рабочий класс, поскольку углубление противоречий империализма, ухудшение положения широких рабочих масс и массовая безработица пролетариата, огромные издержки военных конфликтов и их тяготы, потеря некоторыми державами их монопольных позиций на мировом рынке, отход колоний и т. д. подмывают базу социал-империализма в массах».

Тов. Бухарин делает весьма дурно пахнущие передержки во имя защиты своих оппортунистических теорий. Объективно же все эти изыскания являются по существу **идейным разоружением пролетариата в его классовой**

борьбе. Они обрекают на полную безнадежность все те политические и экономические бои, которые сейчас ведутся в капиталистических странах. Теоретически оправдывая оппортунистическую практику правых, их оруженосцы готовят оружие, направленное по существу **против пролетариата.**

Прикрываясь пестрым плащом цитат, за которым не видно, где кончаются мысли «цитатчика» и где начинаются сами цитаты, — правые по существу пытаются ревизовать революционную теорию пролетариата. В этом отношении певцы организованного капитализма шествуют по проторенной стезе... Бернштейна. Выступая в свое время в поход против Маркса, Бернштейн утверждал, что картели и тресты нормируют и регулируют производство, что они в конце концов уничтожат кризисы. От этих «научных» «поправочек» к Марксу, основанных якобы на эмпирике, Бернштейн перешел к лобовой атаке на марксистскую теорию классовой борьбы.

Оруженосцы правого оппортунизма проделывают тот же нехитростный путь, лишь более ускоренным темпом. От «теории» «организованного капитализма» они неизбежно приходят к теории относительной общности интересов буржуазии и пролетариата, а следовательно и замирания классовой борьбы.

И особенно ярко виден оппортунизм певцов «организованного капитализма», когда они, возвращаясь из глубоких «теоретических» рейдов в страны капитализма, удостаивают своего благосклонного внимания СССР. В этом отношении наиболее характерны рассуждения Сэрра по поводу проблем социалистического строительства в СССР.

СЭРРА О КУЛАКЕ

В своей ставшей «знаменитой» платформе Сэрра со всей откровенностью выступает в защиту классового мира

в СССР. И это вполне логично. Если в капиталистических странах существует общность интересов между капиталистами и рабочими, то тем паче это должно относиться к СССР. И посему Сэрра грозно требует «расширить нэп в деревне», ссылаясь на то, что это, мол, является «основной нотой всех документов партии». Неизвестно, какие именно документы считает Сэрра основными, возможно, что к таковым относятся различные литературные излияния его идейных друзей в ВКП или их личные письма к нему. Партия же в своих документах еще в 1925 г. резко отмежевалась от лозунга «расширения нэпа в деревне», который впервые пыталась протащить «Комсомольская правда» так сказать доисторической, слепковской формации.

Сейчас Сэрра вытаскивает это идейное убожество чуть ли не как основной документ партии, дабы доказать необходимость «относительной общности интересов» кулака и рабочего в СССР.

Сэрра считает, что необходимо стремиться к «**общему** поднятию сельского хозяйства» и не давать себя терроризировать призраком кулака.

> «Кардинальный способ борьбы с кулаком заключается, — по компетентному мнению Сэрра, — в усилении размаха деревенской жизни, в содействии преуспеванию деревни в **целом**».

Все эти глубокомысленные замечания и советы, осуществление которых неизбежно повернуло бы наше хозяйство на путь буржуазной реставрации, логически и политически увязаны со всей теоретической концепцией оруженосцев правого оппортунизма. Во всех этих вопросах законы аристотелевой логики выдержаны с начала до конца. Грехопадение даже против формальной логики начинается в вопросе «организованности» в СССР.

Наши «теоретики» лезут из кожи вон, чтобы убедить нас, что в капиталистическом хозяйстве дело по части

организации обстоит прекрасно. Капитализм организуется, картели регулируют. Рынок отмирает, цены пропадают. Как же обстоит дело по этой части в последовательно социалистической хозяйственной системе Советского Союза? Ведь мы же имеем смелость полагать, что наша хозяйственная система исторически более прогрессивна, чем капиталистическая, и наше хозяйство более организовано, чем капиталистическое. Из этого мы исходим при наметке пятилетнего плана, это нас вдохновляет для борьбы за то, чтобы догнать и обогнать капиталистические страны. Как это ни странно, но правые «теоретики», обуянные пафосом «организации» в отношении капиталистических стран, весьма скептически относятся к нашей «организованности».

В то время как в капиталистических странах, по уверениям друзей Сэрра, конкуренция отмирает, Сэрра категорически требует, чтобы в СССР не делать никаких ущемлений свободной конкуренции.

> «Борьба с кулачеством должна развиваться на почве нэпа, — пишет Сэрра в платформе, — иными словами, на почве конкуренции с некоторыми гарантиями и ограничениями».

> «Борьба против кулака не должна вестись в административной области; кулак должен быть побит на экономической почве».

В то время как в капиталистических странах цены, в том числе и сельскохозяйственные, регулируются, по мнению правых, картелями, Сэрра всячески подчеркивает значение свободных цен в нашем хозяйстве.

> «Политика цен должна учитывать все факторы, и в первую очередь то обстоятельство, что цены являются решающим фактором в балансе крестьянского хозяйства».

Сэрра заботится о ценах главным образом с точки зрения необходимости содействия накоплению в кре-

стьянском хозяйстве. Он ратует главным образом за высоту цены, за ее гибкость. И это характерно для тактики наших правых вообще. Тов. Крумин («Правда» 4 августа) прав, когда он пишет:

> «Стелят правые мягко: они, видите ли, заботятся лишь о «более гибкой» и «более эластичной» политике цен. И это все. Но когда начинается расшифровка этой «гибкости», то оказывается, что «гибкость» правых оппортунистов означает не более не менее как свертывание планового начала и отступление перед рыночной стихией».

Получается поистине возмутительная картина оппортунистического перерождения людей, именующих себя коммунистами. Выступая апологетами плановости в капиталистических странах, оруженосцы правого оппортунизма всячески защищают рыночную стихию в Советском Союзе. Примыкая в оценке капитализма к социал-демократам, они в вопросе развязывания рыночной стихии в СССР смыкаются с Кондратьевыми и другими буржуазными спецами.

Вот выдержка из тезисов Кондратьева, которая является логическим продолжением теоретических установок оруженосцев правого оппортунизма в отношении СССР:

> «Необходимо одновременно отказаться от создания искусственных монопольных условий для государственного и кооперативного торгового аппарата на внутреннем рынке, а также от административных методов регулирования рынка, приводящих к его дезорганизации».

Все шаги пролетарского государства, направленные к регулированию экономических взаимоотношений города и деревни, к ослаблению значения рынка и перенесению центра тяжести на контрактацию, к доведению плана заготовок до села, — встречают самую враждебную критику правых, пытающихся ошельмовать политику,

ведущую к усилению плановости, ярлычком ликвидации нэпа и возврата к методам военного коммунизма.

Таков путь оруженосцев правого оппортунизма.

В своем благородном стремлении во что бы то ни стало вооружить своих рыцарей, неспособных к самостоятельным теоретическим откровениям, их оруженосцы не останавливаются ни перед чем. Они искажают одни факты, выдумывают другие, отрицают наличие третьих, скатываясь по существу к апологетике капитализма.

> «Апологетика, — указывал Маркс в «Теории прибавочной стоимости», — состоит... в фальсификации простейших экономических отношений и специально в том, чтобы держаться за момент единства против момента противоположности».

Наши апологеты «организованного капитализма» видят лишь внутреннее единство капиталистического хозяйства и не хотят видеть его противоположности.

IV. НАСТУПЛЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА

МЕЖЕУМОЧНАЯ МЕТАФИЗИКА

Оппортунистические наукообразные установки Людвига, Сэрра и т. Бухарина логически переключаются из сферы абстрактных теорий в область стратегии классовой борьбы. Единство идей, объединяющее наших оппортунистических «друзей» в области оценки современной капиталистической экономики, сохраняется и в области оценки непосредственных перспектив **классовой борьбы.**

Общим для всех оруженосцев оппортунизма является игнорирование современных классовых боев пролетариата и оценка их роли в определении судеб капитализма внутри отдельных стран, как некоторого невесомого и незначущего элемента.

Это логически вытекает из всей установки оппортунистических теоретиков на «организованный капитализм» и отмирание капиталистических противоречий внутри отдельных стран.

Мы уже видели выше, как у т. Бухарина на базе «организованного капитализма» вырастает теория общности интересов буржуазии и пролетариата. Это характерно и для прочих соратников т. Бухарина, которые либо «абстрагируют» от современной классовой борьбы, либо искажают ее революционное значение.

У Людвига например во всех его сугубо «научных» изысканиях совершенно отсутствует такой «пустячок», как классовая борьба пролетариата.

Этот «субъективный» фактор, определяющий судьбы послевоенного капитализма, выпал из поля зрения нашего ученого мужа. Увлеченный своими схоластическими упражнениями, подавленный мощью монополии и «организованного капитализма», он тщательно избегает привлечения **активного воздействия рабочего класса на экономическое развитие** в качестве одного из элементов своего анализа.

Если **ученый** Людвиг вообще игнорирует рабочий класс, то некоторым образом **«политик»** Сэрра все же обращает на него свое благосклонное внимание, для того чтобы доказать незначительную роль современных процессов классовой борьбы пролетариата.

В своей декларации на пленуме итальянской компартии Сэрра заявил:

> «Тов. Сталин утверждает, что «нынешняя борьба рабочего класса взрывает и разлагает капиталистическую стабилизацию». Это значит — затемнить перед коммунистическими партиями представление о той степени развития, которого действительно должна достигнуть — под их руководством и благодаря их усилиям — классовая борьба, для того чтобы она действительно могла взрывать и разлагать капиталистические стабилизации».

Такая метафизическая постановка вопроса чрезвычайно характерна для мелкобуржуазного оппортуниста. Весь современный этап экономических боев европейского пролетариата, характерный перерастанием экономических конфликтов в непосредственно политические бои, для Сэрра не существует. Экономические бои в Лодзи, Руре, во Франции, в Бомбее, происходившие уже позже события 1 мая в Берлине, Польше, являются, по мнению Сэрра, повидимому факторами не расшатывания, разложения, взрыва стабилизации, а **укрепления** ее. Для оппортунистического метафизика характерна постановка вопроса: **либо — либо;** либо социальная революция, взры-

вающая стабилизацию, либо полное игнорирование тех отдельных боев и стычек, а следовательно и укрепление, или, выражаясь высоким штилем Людвига, «консолидация» капитализма.

Повседневная упорная экономическая борьба рабочего класса, являющаяся одним из показателей его радикализации, для Сэрра и Людвига не существует. Сэрра самым беззастенчивым образом, в явном расхождении с подлинными фактами, отрицает полевение рабочего класса. В своей декларации Сэрра так и пишет:

> **«Рабочий класс начинает активно реагировать на наступление капитала, проводимое за последние годы. Но эти проявления более ожесточенной классовой борьбы еще не приняли ярко выраженного характера процесса полевения. Экономические движения, которые в той или иной степени вспыхивают везде, имеют характер главным образом оборонительный. Если приписать однако политический характер экономическим движениям, можно впасть, несмотря на левую фразеологию, в «специфический экономизм», т. е. в классически-оппортунистическое восприятие событий».**

В этой фразе со всей отчетливостью отражается межеумочность политической позиции так называемых примиренцев. Сэрра видит, что рабочий класс начинает активно реагировать на наступление капитала. Этого трудно не видеть, ибо факты бьют в нос. Только маститые «катедр-большевики», заседающие в четырех стенах своих кабинетов и ополчающиеся против фактов, срывающих их научные построения, не видят той мощной волны классовых боев, которые катятся буквально по всему миру. Но, признавая существующие факты, Сэрра старается умалить их объективное значение, разъясняя их самым оппортунистическим образом.

Чем характеризуются современные экономические бои пролетариата? Они характеризуются в первую очередь тем, что разворачиваются в период беспрерывного нарастания классовых противоречий и расширения фронта классовой борьбы. Если взять сравнительно небольшой отрезок времени, протекший после VI конгресса Коминтерна, мы увидим, какого размаха достигли экономические бои в крупнейших странах.

1928 г. характеризуется переходом рабочего класса от активного сопротивления к встречным боям и даже к прямому наступлению на капиталистические твердыни. За это время в Германии помимо ряда крупных экономических боев в различных городах прошло огромное движение **рурского** пролетариата. В **Польше** — мощная всеобщая забастовка 100 тыс. лодзинских рабочих. Во **Франции** — массовые экономические конфликты вспыхивают и перебрасываются из одного района в другой. В последнее время во Франции мы имеем не менее 100 конфликтов в месяц. В **Австрии** — этой вотчине левых социал-демократов — впервые имели место забастовки против проводимой капиталом рационализации и против фашизации фабрик и заводов. В **САСШ** (южных штатах, где происходит развитие промышленности) наблюдается массовое стихийное стачечное движение. Даже в Англии, где после поражения рабочего класса в 1926 г. царила известная депрессия в области стачечного движения, снова начинаются частичные забастовки, которые отнюдь не уменьшаются, а, наоборот, возрастают с приходом к власти «рабочего» правительства. В Чехо-Словакии, Польше, во Франции проходит целая полоса забастовок сельскохозяйственных рабочих.

Все эти бои несомненно сигнализируют принципиально новые явления в современном рабочем движении. Они

означают интенсификацию экономических боев, т. е. их **политическое** обострение, переход на более высокую ступень. В то же время чрезвычайно важно то обстоятельство, что мелкие разрозненные бои, развивавшиеся в ряде стран, постепенно укрупняются, становятся международными боями. **Расширение стачечной волны,** захват ею колониальных и полуколониальных стран являются другой характерной чертой современных классовых боев. Стачка 140 тыс. текстильщиков в Бомбее, всеобщая стачка банановых рабочих в Колумбии и т. д. являются показателями подлинно международного характера современных экономических боев.

Достаточно лишь присмотреться к характеру революционной борьбы индийского пролетариата за последнее время, чтобы понять всю неосмысленность правых, топчущихся на одном месте и повторяющих избитые зады. За одну только половину 1928 г. мы имеем в Индии в четыре раза больше участвующих в стачках рабочих, чем в 1927 г., в то время как число потерянных рабочих дней в 1928 г. в два с половиной раза больше, чем в 1921 г.

Эти бои носят отнюдь не только экономический характер. Аресты рабочих лидеров вызывают ряд политических забастовок в различных частях Индии, являющихся предпосылкой к грандиозным забастовкам текстильщиков, жестянников и т. д.

Весьма характерны и те условия, в которых протекала стачка «бананистов» в Колумбии — поистине одного из интереснейших революционных событий за последнее время, стоящего того, чтобы на нем остановиться поподробнее.

«Юнайтед Фрут» — одна из самых крупных американских компаний, эксплоатирующих страны Латинской Америки. На ее плантациях работают **сотни тысяч** рабочих. В ее ведении находятся железные дороги, речной и морской транспорт и т. д. «Юнайтед Фрут» таким обра-

зом является серьезным фактором американской экспансии в странах Латинской Америки.

Стачка на бананных плантациях «Юнайтед Фрут» в Колумбии мобилизовала 32 тыс. рабочих, организованных в 70 стачечных комитетов с изумительной почти военной дисциплиной и организованностью. Армия после начала стачки начала разлагаться. Солдаты братались с рабочими и отдавали свое оружие. Разложение армии достигло таких размеров, что командующий отрядом генерал плакал на коленях перед толпой стачечников и принужден был дать клятву перед красным знаменем, что не будет стрелять в рабочих.

Буржуазия мобилизовала 300 человек «свежих» солдат, которые начали стрелять в рабочих. После расстрела пятитысячная толпа вышла на плантации и вскоре, выросши до 15 тыс., приняла настоящий бой с полицейскими военными организациями. Является ли эта стачка, по мнению Сэрра, тоже **обороной** колумбийского пролетариата?

ОБОРОНА ИЛИ НАСТУПЛЕНИЕ?

«Классически-оппортунистическим восприятием событий» является как раз восприятие Сэрра современных экономических боев пролетариата **лишь как обороны,** а отсюда и логичное для него непонимание политической роли этих боев в расшатывании стабилизации. **Характерным для современных классовых боев является то обстоятельство, что в своей борьбе даже за самые скромные экономические требования рабочие сталкиваются с единым фронтом трестированного капитала, госаппарата и социалфашизированных профбюрократов.**

Этим самым объективная обстановка создает условия борьбы класса против класса и таким образом **политизирует** экономические конфликты в различных странах. Закончившийся первый этап капиталистической рациона-

лизации в важнейших странах увеличил в известной мере общую массу продукции, но в то же время усилил безработицу, внес глубокие структурные изменения в социальный состав пролетариата, значительно снизил долю зарплаты в общенациональном доходе и в продукте труда, несмотря на громадную интенсификацию последнего. Положение рабочего класса вопреки «оптимистическим» оценкам т. Варги явно ухудшилось.

Но в то же время капиталистическая рационализация отнюдь не разрубила гордиева узла основной проблемы современного капиталистического общества — противоречия между современными производственными возможностями и емкостью рынка. Наоборот, за последнее время эта проблема стала еще более острой и неразрешимой, одним из доказательств чего является неслыханное обострение международных противоречий.

Экономическое положение капиталистического хозяйства значительно суживает тот резерв уступок, на который согласилась бы пойти буржуазия для того, чтобы локализовать пожар классовых боев, разгорающихся во всех странах. Отказываясь в **известной мере** от политики уступок, буржуазия однако отнюдь не отказывается от попыток задушить рабочее движение путем самого неслыханного предпринимательского и полицейского террора.

Буржуазия вынуждена, если она хочет сохранить свои прибыли, наступать на заработную плату рабочего класса. Предприниматели довольно откровенно излагают свою точку зрения в этом вопросе. Во время рурского конфликта в 1928 г. орган рурской тяжелой промышленности откровенно писал: «Пора подумать о пресечении борьбы за зарплату, о стабилизации зарплаты... Вполне возможно, что в течение зимы или весной мы будем свидетелями дальнейшего снижения конъюнктуры почти до степени экономической депрессии. **Следовало бы серьезно поставить вопрос о понижении зарплаты».**

В этом наступлении на зарплату, которая например в Англии в 1928 г. в среднем понизилась в неделю на 1% всей суммы заработной платы, предприниматели поддерживают, с одной стороны, буржуазное государство, с другой стороны, социал-демократические профсоюзы.

Эти условия объективно превращают даже самые незначительные **экономические** конфликты в **политические.** Выступления рабочих даже с самыми незначительными требованиями невольно приобретают политический характер, перерастая иногда в непосредственную **борьбу за политическую власть.** Во время забастовки горняков Франции угольные бассейны Луары, район Авейрона были превращены в осажденный лагерь. Французский капитализм бросил против бастующих целую армию. Бастующие текстильщики Аллуэна в своих лозунгах на первом месте поставили лозунг защиты СССР от капиталистического нападения. Эта забастовка была характерна тем, что она приняла интернациональный характер, потому что к аллуэнцам присоединились текстильщики пограничного бельгийского района Вервик.

Совершенно неверно оценивать современные классовые бои лишь как **оборону** пролетариата. Характерным для современных классовых боев является переход рабочего класса в **наступление.** Новый характер экономических боев заключается в том, что эти бои носят все более характер встречных боев и даже зачастую наступления пролетариата. Чем, как не наступлением пролетариата на попытки ввести рационализацию, является всеобщая забастовка текстильщиков в Бомбее? Подобные же процессы решительного сопротивления рабочих неслыханной эксплоатации, проводимой под знаком рационализации, можно наблюдать и в такой капиталистически мощной стране, как САСШ. За последнее время по САСШ катится мощная волна забастовок, непосредственно вызванных рационализацией. Рабочие решительно выступают против

капиталистической эксплоатации, несмотря на сопротивление желтых профсоюзников.

Для характеристики полевения рабочего класса характерно и то обстоятельство, что, несмотря на крупные ошибки отдельных коммунистических партий, несмотря на ошибки революционного профдвижения, неумелое подчас руководство стачечными боями, боеспособность пролетариата отнюдь не понижается. Огромной политической значимостью современных экономических боев является все более и более увеличивающаяся активность **неорганизованных** рабочих.

Во время локаута в Руре неорганизованные рабочие составляли три четверти участников движения. Во Франции свыше 90% пролетариата вообще неорганизовано. В Индии, в Бомбее из мощной стачки в огромной массе неорганизованных текстильщиков вырос сильный левый союз, охватывающий 65 тыс. человек, т. е. около 40% всех текстильщиков Бомбея. Все это факты, не видеть которых могут лишь близорукие оппортунисты. И потому самой наглой, мошеннической выходкой является попытка Сэрра прикрыть свой собственный оппортунизм обвинениями Коминтерна в «классически-оппортунистическом восприятии событий».

Обвинение в чисто «экономическом» восприятии событий относится целиком к правым и примиренцам, упорно отказывающимся осознать те подлинно исторические процессы, которые разворачиваются теперь в мировом рабочем движении. Ведь игнорирование политического характера современных экономических боев пролетариата как раз и есть наиболее показательная черта оппортунистического «экономизма».

Сэрра пытался передернуть. Но «фокус» явно не удался.

Таковы те картонные мечи, которые теоретические оруженосцы оппортунизма изготовляют для своих воинственных друзей по ту сторону баррикад. Эти мечи иногда

разрисованы яркокрасными красками, к их рукояткам прикреплены цитаты из произведений основоположников марксизма вперемежку с цитатами из Шмалленбахов и Зомбартов. Но эти краски и цитаты не делают мечей острее.

Само качество этого оружия заранее определяет судьбу тех, кто попытается его направить против революционного пролетариата и его партии. Жестокое поражение постигнет того, кто решится, вступая в бой, опоясаться картонным мечом оппортунизма.

Оруженосец всегда, как правило, трусливее своего «рыцаря». Но в момент решающей схватки он, путаясь в ногах, может затруднить и отдалить победный исход борьбы.

Надо показать рабочим массам

Лицо того, кто, Марксом кстясь,
Приснопартийнейшею девой
Глаза подымет в потолок
И, помахав рукою левой,
Покажет правый кулачок.

(**А. Безыменский.**)

Надо разоблачить перед широкими рабочими массами качество оружия, изготовляемого оруженосцами оппортунизма, и объективный социальный заказ, выполняемый ими.

Мы вступаем в грандиозные классовые бои. Коминтерн мобилизует широчайшие массы рабочего класса вокруг задач, стоящих перед мировым революционным движением.

Оруженосцы правого оппортунизма пытаются задержать наступающий рабочий класс, разоружить его, обречь на бесплодность все его выступления. Эти люди сами подчас не знают, что творят, не понимают, что объективно они помогают классовым врагам пролетариата. Необходимо принятие самых решительных мер в борьбе с вольными или невольными саботажниками развертывающегося наступления рабочего класса.

ОГЛАВЛЕНИЕ


3
БЛ